

КНИГА НЕРАСКРЫТЫХ ДЕЛ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ЧТО-ТО В ОСОБНЯКЕ ГРИРОВ
ПОДАВЛЯЛО СМЕХ
И ВСЕЛЯЛО ТРЕВОГУ

СИМОНА
СЕНТ-ДЖЕЙМС

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА “СЛОМАННЫЕ ДЕВОЧКИ”

Симона Сент-Джеймс

Книга нераскрытых дел

Издательство «Синдбад»

2022

Сент-Джеймс С.

Книга нераскрытых дел / С. Сент-Джеймс — Издательство
«Синдбад», 2022

ISBN 978-5-00131-559-9

1977 год. Маленький городок потрясен серией убийств, совершенных загадочной «Леди Киллер». Бет Грир – молодая, богатая, эксцентричная – становится идеальной подозреваемой: ее видели убегающей с места одного из преступлений. Однако суд оправдывает ее, и с тех пор она почти не покидает свой особняк. 2017 год. Все свободное время Шей Коллинз посвящает сайту с интригующим названием «Книга нераскрытых дел», собирая информацию о преступлениях, за которые никто не понес наказания. Случайно встретив Бет Грир, Шей загорается идеей взять у нее интервью, и, как ни странно, та соглашается. Соблазн узнать правду об одном из самых необычных дел слишком велик, хотя у Шей мурашки бегут по спине каждый раз, когда она переступает порог мрачного, неприветливого дома, в котором застыло время. Что, если умная, очаровательная Бет – на самом деле хладнокровная убийца-манипулятор? Что, если в темноте, окутывающей ее жуткий особняк, таятся другие опасности?

ISBN 978-5-00131-559-9

© Сент-Джеймс С., 2022

© Издательство «Синдбад», 2022

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	37
Глава 12	41
Глава 13	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Симона Сент-Джеймс

Книга нераскрытых дел

Посвящается моей матери, которая не успела прочесть эту книгу

Simone St. James

THE BOOK OF COLD CASES

Copyright © 2022 by Simone Seguin

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with *Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2023

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2023

Часть I

Глава 1

Клэр-Лейк, Орегон

Дом Гриров стоял высоко на холме, откуда открывался вид на городок и океан. Чтобы добраться туда, нужно было покинуть очаровательные туристические лавочки и скрипучие причалы и по извилистой дороге поехать в сторону утесов. Пересечь центр Клэр-Лейка – ту его часть, где живут местные и куда туристы особо не заглядывают. Миновать череду магазинов, невысоких многоквартирных домов, закусовых и парикмахерских. А потом, уже выехав на окраину, – новые жилые комплексы, выстроенные между подножием утесов и низким берегом озера, давшего название городу.

Земля тут слишком влажная и каменистая, строить на ней сложно, так что новые кварталы теснились вдоль леса и двухполосных трасс. К западу от озера стояли дома, построенные в семидесятые, – приземистые кубики из коричневого кирпича с кремовой отделкой, окруженные садами, за которыми сорок лет ухаживали люди, никуда отсюда не уезжавшие. На остальных берегах не было ничего, кроме проселков, которыми пользовались только любители пеших походов, охотники, рыбаки да подростки, ищущие приключений на свою голову. В семидесятые годы в домах на озере селились предприимчивые люди с хорошей работой. Остальные жили в городе. А богачи предпочитали холм.

Дорога туда поднималась от северного берега озера. Дома на холме отстояли далеко друг от друга, обеспечивая приватность, а дороги были узкими и ухабистыми, словно для того, чтобы отпугивать чужаков. Богачи прибыли в Клэр-Лейк в двадцатые годы, когда и был основан город, в поисках красивых видов, уединения и дешевых участков под застройку. Привезли деньги из Портленда и Калифорнии и осели здесь. После краха фондового рынка некоторые особняки опустели, но с началом экономического бума после Второй мировой войны в них снова закипела жизнь. Свой район жители называли Арлен-Хайтс.

Особняк Гриров появился в Арлен-Хайтс одним из первых. Уродом Франкенштейна он был с самого начала – псевдовикторианская острая крыша со шпильями венчала стены из светло-желтого кирпича. Но Джулиан Грир, купивший его в 1950-х годах на деньги от полученного в наследство фармацевтического бизнеса, сделал дом еще уродливее. Он перестроил нижний этаж в современном стиле, с прямыми линиями и отделкой из темного дерева. И прорубил сплошные окна во всю заднюю стену, чтобы впустить свет в темные и мрачные интерьеры. Окна выходили на лужайку, отвесно обрывающуюся к самому океану.

Предполагалось, что вид оттуда будет потрясающий, но вышло иначе – как почти все в жизни Джулиана. Окна запотевали, и пейзаж получался размытым. Лужайка выглядела плоской и мертвой, а волнующийся океан за утесом – холодным и мрачным. Джулиан сделал ремонт, надеясь порадовать молодую жену, но унылый вид из окон раздражал Мариану, и она не раздвигала штор. Мариана обставила и декорировала дом старательно, но без души, что наложило отпечаток на весь их брак. Что-то в особняке приглушало смех и убивало счастье. Звучит, пожалуй, несколько театрально, но все, кто тут жил, знали, что это правда.

В 1975 году и Джулиан, и Мариана были уже мертвы: кровь Джулиана залила весь пол в кухне, а Мариана погибла в перевернувшемся автомобиле. Дом смотрел на все это совершенно безучастно.

Ночью начался дождь – холодный ливень, пришедший с океана. Арлен-Хайтс был тих, дом Гриров – темен. Дождь барабанил по стеклу, и струи воды стекали по панорамным окнам,

выходящим на лужайку. Темные скелеты деревьев вокруг дома качались на ветру, их ветки скребли по крыше. Капли оставляли пузыри на пустых подъездных дорожках. Дом, неподвижный и тихий, стойчески терпел атаку ветра и воды.

Что-то скользнуло по лужайке, на траве словно бы остался след; в темной кухне открылась дверца буфета, тихим скрипом нарушив тишину.

В окне спальни появился силуэт, расплывчатый, словно тень. Мутное пятно, похожее на лицо. На стекле отпечаталась прижатая ладонь. На миг замерла, белая и бескровная, хотя видеть ее никто не мог.

Ветер завывал в водостоках. Ладонь исчезла, и силуэт растворился в темноте. Дом снова замер.

Глава 2

Сентябрь 2017

ШЕЙ

День накануне встречи с Бет Грир пришелся на вторник, с серым небом над головой и мелкой моросью, которая сеялась на лицо и бисером повисала на волосах, пока я ждала автобуса на остановке. Было не по сезону тепло, и от асфальта поднимался характерный запах дождя. Рядом со мной стоял мужчина в пальто и с усталым видом листал что-то в телефоне. Встревоженная женщина по другую сторону от меня лихорадочно набирала сообщение. Закрыв глаза, я вдохнула запах дождя с нотками одеколона, которым тянуло от мужчины рядом, и все это перекрывалось парами бензина и дизеля с проезжей части. Такова моя жизнь.

Не такая уж и плохая. Мне двадцать девять, я разведена. Живу в небольшом комплексе из невысоких многоквартирных домов, окруженном сплетением кривых улочек, который носит вдохновляющее название «Прибежище». Мысленно я называла его «Прибежищем одиночек», потому что живут тут в основном те, кому не повезло в любви. Нужно же им было где-то поселиться, когда после развода они продали дом и получили половину его стоимости. Мужчина в пальто, вне всякого сомнения, был разведен, а женщина – я могла поспорить на деньги – писала сообщение в школу ребенку, который, согласно постановлению суда, эту неделю живет у отца.

Развелась я недавно. Детей у меня нет. Моя маленькая квартира все еще пахнет краской, из предметов мебели в ней есть только самое необходимое. Ничего страшного – с девяти лет я знаю, что чудом вообще осталась в живых.

В автобусе я достала телефон, сунула наушники в уши и включила аудиокнигу, которую успела прослушать до середины. Триллер: женщине грозит опасность, большинство персонажей, скорее всего, лгут, и все не совсем так, как кажется. Ближе к концу сюжет совершит крутой поворот, который меня удивит – или нет. Десятки, даже сотни таких книг составляют саундтрек моей жизни. Женский голос в наушниках рассказывал о смерти, убийстве, мрачных семейных тайнах, о людях, которым нельзя доверять, и о лжи, цена которой – жизнь. Но роман всегда заканчивается, ложь разоблачается, смерть получает объяснение. Возможно, один из отрицательных персонажей выйдет сухим из воды – теперь это модно, – но все равно остается впечатление, что все наладилось, мрак развеялся, а плохой человек, по крайней мере, будет страдать.

Мрачное утешение, но хоть какое-то. Как обстоят *мои* дела, я знала наизусть. Мой несостоявшийся убийца провел в тюрьме девятнадцать лет, семь месяцев и двадцать шесть дней. Слушания по его досрочному освобождению назначены через полгода.

Работала я в клинике в центре Клэр-Лейка. В регистратуре. Отвечала на звонки, заполняла карточки, записывала пациентов на прием.

Войдя туда, я вытащила из ушей наушники и улыбнулась коллегам, отгоняя от себя мрак и смерть.

– Сегодня много народу. – Карен, другая регистраторша, посмотрела на меня и отвела взгляд. – Открываемся через двадцать минут.

Мы с коллегами так и не стали друзьями, хотя я работала здесь уже пять лет. Остальные женщины были замужем, имели детей, и это означало, что после развода у меня с ними не осталось ничего общего. Развод я ни с кем из них не обсуждала, просто сообщила как факт. И не могла поддержать разговор о детских садах и занятиях плаванием. Врачи с нами не общались – они приходили и уходили, полагая, что повседневные задачи в клинике решаются сами по себе.

Я сняла куртку, надела темно-синюю форму, убрала сумочку и телефон под стойку. Вероятно, я могла бы здесь с кем-нибудь подружиться, если бы попыталась. Я все еще довольно привлекательна – длинные темные волосы, собранные на затылке, удлинненное лицо, темные глаза. И в то же время не настолько красива, чтобы женщины воспринимали меня как угрозу. Я знала, что необщительна. Такой у меня был характер, и изменить его не могли бы никакие походы к психотерапевту. Я с трудом сближалась с людьми и не умела вести светские беседы. Психотерапевты называли это защитным механизмом, а я понимала только, что это моя неотъемлемая черта, вроде роста или формы подбородка.

Но замкнутость была не единственной причиной, по которой коллеги держались от меня в стороне. Конечно, мне они ничего не говорили, но в первую же неделю моей работы до них дошли слухи – все они теперь знали, кто я и чего избежала. Знали, чем я занимаюсь по вечерам, и о проекте, отнимающем все мое свободное время. Другими словами, о моей навязчивой идее.

Наверное, все они думали, что это ненормально.

Но я никогда не сомневалась, что убийство – самая нормальная из навязчивых идей.

– Не оправдывайся, – сказала в трубку Эстер. – Ты опять «впадаешь в спячку».

– Все в порядке. – После работы я зашла в продуктовый магазин «Сейфвэй» на площади в нескольких минутах ходьбы от «Прибежища». Плечом прижав телефон к уху, я положила пачку хлопьев в тележку. – Куплю еды и пойду домой.

– Я звала тебя на ужин. Мы с Уиллом хотим тебя видеть.

– Дождь идет.

– Это Клэр-Лейк. Тут всегда дождь.

Я смотрела на миндальное молоко, гадая, какое оно на вкус.

– Я знаю, что вы обо мне беспокоитесь, но со мной все в порядке. Просто мне нужно поработать.

– У тебя уже есть работа. Интернет-сайт не приносит денег.

– Дело не в деньгах.

Моя старшая сестра вздохнула, мне стало грустно. На самом деле я очень хотела увидеть Эстер и ее мужа Уилла, юриста, который мне очень нравился. Эстер – самый важный человек в моей жизни, и, хотя она постоянно меня донимала, я знала: она изо всех сил старается меня понять. Она сама получила душевную травму и считала себя отчасти виноватой в том, что со мной произошло. У нее тоже были причины для паранойи – для спячки, как она выражается. Разница в том, что Эстер в спячку не впадает. У нее есть муж, дом, хорошая работа, карьера.

– Просто скажи, что ты хоть что-то пытаешься сделать, – сказала Эстер. – Куда-то пойти, познакомиться с новыми людьми.

– Конечно, – ответила я. – Сегодня я познакомилась с мужчиной, обратившимся по поводу грыжи, и с женщиной, которая сказала, что у нее «проблемы с маткой». – Я взяла с полки миндальное молоко. – Не знаю, что такое «проблемы с маткой», но думаю, мне это неинтересно.

– Могла бы заглянуть в ее медицинскую карту и выяснить, если бы захотела.

– Я никогда не смотрю медицинские карты пациентов. Ты это знаешь. Я отвечаю на телефонные звонки, назначаю время приема, но диагнозы – это не мое дело. За просмотр медицинской карты пациента меня могут уволить.

– Ты непоследовательна, Шей. Ты не смотришь в медицинские карты пациентов, а в интернете обсуждаешь убийства и трупы.

Я переложила телефон в другую руку.

– А что я должна делать, чтобы быть последовательной: проявлять больше любопытства – или меньше?

– Ты слишком погружена в свои мысли, вечно все прокручиваешь в голове, – сказала Эстер. – Тебе надо общаться не только с пациентами, думать не только о жертвах громких убийств. Заведи подруг. Начни встречаться с мужчиной.

– Я еще не готова к романтическим свиданиям. Может, чуть позже.

– После развода прошел год.

– Одиннадцать месяцев. – Я уклонилась от женщины, которая двигалась по проходу мне навстречу, затем объехала пару, задумчиво рассматривавшую полку с крекерами. – Я не против того, чтобы кого-то найти. Меня пугает само свидание. Встреча с незнакомцем. Он может оказаться кем угодно и скрывать что угодно.

– Шей.

– Тебе известно, сколько серийных убийц встречались с одинокими женщинами? С какой-нибудь разведенкой, которой хочется приятной компании? Она думает, что ей повезло, а он в ближайшее воскресенье вывозит ее труп. Теперь знакомятся в интернете, а там можно выложить чужую фотографию. Люди лгут даже о своих лицах.

– Ладно-ладно. Никаких знакомств в интернете. Никаких свиданий. Я поняла. Но ты могла бы завести друзей, Шей. Запишись в книжный клуб, секцию боулинга или еще куда-нибудь.

Моя тележка заполнилась. Я остановилась у больших стеклянных окон магазина и посмотрела на парковку.

– Я подумаю.

– Это значит «нет», – сказала Эстер.

– Это значит, что я подумаю. – Парковка ничем не отличалась от любой другой в вечерние часы: машины приезжали и уезжали. Замерев на секунду, я скользнула взглядом по машинам и людям. Старая привычка. Я не представляла, что ищу, – но узнала бы, едва увидев. – Спасибо, сестричка. Потом поговорим.

Я оплатила продукты и переложила их в две холщовые сумки, которые взяла с собой. Повесила по сумке на каждое плечо и пошла домой под моросящим дождем, набросив на голову капюшон плаща и стараясь обходить лужи. К «Прибежищу одиночек» вела оживленная дорога, и машины, проносясь мимо, обдавали прохожих брызгами и выхлопными газами. Не самая приятная прогулка в мире, но я заткнула уши наушниками и тупо переставляла ноги, сначала одну, потом другую. Эстер уже давно перестала уговаривать меня купить машину. Этого никогда не будет.

Кроме того, я возвращаюсь домой до темноты, и мне не приходится идти одной по ночной улице. Я называю это победой.

Глава 3

Сентябрь 2017

ШЕЙ

Дома я переоделась в сухое, сделала салат с тунцом и открыла ноутбук.

Несмотря на стресс, мучительную неуверенность, материальные издержки и – да-да – разбитое сердце, у развода есть и плюсы: можно сидеть в скудно обставленной гостиной в пижамных штанах и футболке, есть тунца под майонезом, весь вечер работать, и никто не будет тебе мешать.

Проектом, над которым я трудилась и который отнимал все мое свободное время, был сайт под названием «Книга нераскрытых дел». На самом деле это была не книга. Скорее собрание моих постов и статей о нераскрытых преступлениях, громких и не очень. Еще на сайте был закрытый форум, на котором такие же одержимые, как я, публиковали свои теории или обнаруженные ими новые факты. Почти десять лет назад я создала его как личный блог, место, где я могла, не привлекая внимания, писать о том, что меня волновало. Но со временем сайт зажил своей жизнью, и теперь наше сообщество насчитывало почти две тысячи человек, и каждый поддерживал его небольшим ежегодным взносом. Иногда я размещала на сайте платную рекламу. Прожить на эти деньги было нельзя, но их хватало на оплату хороших серверов, помощь профессионального веб-мастера и, самое главное, на сбор информации.

Я ввела пароль и просмотрела новые сообщения на форуме. Там живо обсуждалось исчезновение маленькой девочки в Теннесси, а также заявление женщины из Мичигана о том, что ее похитили, впрочем бездоказательное. Кто-то, прослушав недавно вышедший подкаст, возобновил старую ветку о серийном убийце по прозвищу Зодиак, а кто-то поделился ссылкой на новую версию убийства Джонбенет Рэмси. Я все прочла и прокомментировала, заодно удалив провокационные и оскорбительные сообщения. Даже закрытая группа в интернете – идеальное место для тех, кому не удается обижать других людей, поэтому форум требовал постоянной модерации. Убийство двадцатилетней давности способно вызвать не меньший накал страстей, чем последние события в мире.

Закончив, я переключилась на статью, над которой работала, – о женщине из Коннектикута, которая вышла из дома, оставив в манеже двухлетнюю дочь, и исчезла. Она попала на камеры видеонаблюдения торгового центра в трех милях от дома, но как она туда добралась и зачем? Судя по зарегистрированным телефонным звонкам, с мобильного женщины один раз звонили по номеру 911 через четыре часа после ее исчезновения. Вызов сбросили, как только оператор взял трубку. Значит ли это, что в тот момент женщина еще была жива и пыталась позвать на помощь? Или ее телефоном воспользовался кто-то другой? Такие вопросы могли засосать меня на несколько дней.

Я взяла телефон и позвонила Майклу Де Восу, частному детективу, который время от времени выполнял мои поручения; я обращалась к нему за помощью, когда мне требовалось экспертное мнение. Раньше Майкл служил в полиции Клэр-Лейка. Он сразу же ответил:

– Шей. Ты дома? – Майкл был в курсе моей паранойи, хотя и не знал ее причины. Похоже, он не видел в этом ничего необычного, но постоянно спрашивал, дома ли я и не грозит ли мне опасность.

– Да, – ответила я. – А ты где?

Как правило, Майкл находился в каком-нибудь интересном месте. Такой жизни – жизни частного детектива – я со своей повышенной тревожностью просто не вынесла бы.

– В машине, на парковке, – ответил он. – Жду кое-кого. С самого полудня.

Голос у него был усталым.

– Кого?

– Ты же знаешь, что это секретная информация.

Я невольно улыбнулась. Послушать Майкла, так секретным было все, чем он занимался.

По крайней мере, все, что могло меня заинтересовать.

– Раз уж ты сейчас скучаешь, то почитал бы статью, которую я отправила.

– Ага.

Я слышала, как Майкл сделал глоток, и представила, как он сидит в машине на обочине дороги и капли дождя стекают по стеклам. Может, он выслеживает неверного супруга или должника. Мне казалось, что машина у него большая и громоздкая, 70-х годов, хотя на дворе уже 2017-й. В Майкле было что-то от тех времен. Хотя ему, насколько я знала, не исполнилось еще и сорока.

Темные волосы, карие глаза – большинство женщин посчитали бы его красивым. Я видела только его фотографию, которую он прислал мне в самом начале нашего знакомства; лично мы никогда не встречались. Я не умею вживую общаться с незнакомыми мужчинами.

– Что думаешь? – спросила я.

– Если хочешь знать мое мнение о статье, она превосходна. Если же тебя интересует, что я думаю о самом деле, – это сделал муж. А отец ему помог.

– Доказательств нет, – заметила я.

– Когда ее найдут, появятся. Потому что она, без сомнения, мертва.

Напряжение, не отпускавшее меня весь день, наконец ослабло. Я любила сестру, но она не понимала меня по-настоящему. Родители жили во Флориде, и уж точно меня не понимали. Как и коллеги. И бывший муж.

А Майкл понимал. Не знаю, как и почему. Понимал, и все.

Из всех, кого я встречала в жизни, он один соглашался говорить о том, что было мне интересно.

– А как насчет записи с камеры торгового центра?

– Не убедительно. Думаю, на записи не она. Убийцам просто повезло.

– Необычно, когда муж и отец – сообщники.

– Необычно, но случается. А вот потом возникают проблемы. Один обычно заключает сделку и сдает другого.

– Но муж? Говорят, они любили друг друга.

– Так всегда говорят, и всегда ошибаются.

– Ты циник. – Я в очередной раз просматривала статью, вылавливая опечатки. – Полезное качество.

– Моя бывшая жена с тобой не согласилась бы.

Раньше он о бывшей жене не упоминал; о личном мы обычно не разговаривали.

– В таком случае она может позвонить моему бывшему мужу. – Я тоже решила на откровенность. – Похоже, у них много общего.

– Они наверняка поладят. – Майкл помолчал. – Кажется, какое-то движение. Мне нужно идти. Выкладывай статью. Она хороша.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Удачи.

Отключив телефон, я положила его на стол и обошла квартиру, проверяя, заперты ли двери и закрыты ли окна на задвижки. У въезда в «Прибежище» дежурил охранник, но мне этого казалось мало. Пешком сюда может попасть любой – было бы желание. Я жила на четвертом этаже – на первый я не согласилась бы ни при каких обстоятельствах – и на всякий случай установила охранную систему. На окнах стояли запоры. Ни пожарного выхода, ни оконных сеток, вылетающих с одного щелчка. Из прошлой семейной жизни мне не хватало одного:

постоянного присутствия в доме мужчины, который отпугивал зло, даже не подозревая об этом.

Теперь я этого лишилась, поэтому приходилось соблюдать осторожность.

Все было в порядке. Закончив осмотр, я снова села за ноут, открыла «Книгу нераскрытых дел». И начала свое вечернее путешествие во тьму.

Глава 4

Сентябрь 2017

ШЕЙ

Утром на работе я клевала носом, потому что накануне просидела над «Книгой» дольше обычного. Автобус опоздал на десять минут, я выронила проездной, и состояние у меня было еще то. Держалась на автопилоте.

Клиника находилась в центре Клэр-Лейка, и пациенты у нас в основном были богатые или, по крайней мере, обеспеченные. Клэр-Лейк – город с магазинами, где продают дорогие кухонные принадлежности, с французскими бистро на берегу океана. Людям, от которых меня отделяла прозрачная перегородка, не приходилось бороться за существование и выбиваться из сил, чтобы прожить еще один день. Обычно мне приходилось иметь дело с причудами богачей, у которых хватало денег, чтобы избавиться от боли и страданий.

Глядя на вошедшую в приемную женщину, я сначала подумала, что это какая-то знаменитость. Ее лицо было мне знакомо, но я не могла вспомнить откуда. Может быть, актриса, снимавшаяся в телесериалах несколько десятков лет назад? Высокая, величественная, лет шестидесяти с лишним. Кожа почти безупречная, морщинки вокруг глаз и рта лишь добавляют лицу выразительности. Волосы острижены по последней моде – челка до бровей, мелированные темные и светло-серые пряди до плеч. Под плащом свободного покроя – черный свитер с воротом-хомутом и элегантные черные брюки. Элегантностью она могла соперничать с Изабеллой Росселлини или Хелен Миррен, хотя, похоже, сама этого не признавала. С рассеянным видом она просунула удостоверение личности под плексигласовую перегородку перед Карен, села, достала стильные очки и стала читать какую-то потрепанную книгу.

– Что? – спросила меня Карен, поворачиваясь на офисном стуле к шкафу, чтобы найти карточку женщины.

– Я откуда-то ее знаю.

Телефон на время умолк, я сделала глоток кофе и снова осторожно посмотрела на женщину. Она перевернула страницу, не зная, что за ней наблюдают. Я не могла разглядеть название, но темно-синяя обложка с броскими ярко-желтыми буквами означала, что это триллер, вроде тех, которые читала и я.

– Мне она не кажется знакомой, – сказала Карен. – Может, это твоя учительница? Или соседка?

Я покачала головой и продолжила разглядывать лицо женщины, пытаюсь понять, откуда ее знаю. В скулах и линии губ было что-то особенное. Она и сейчас хороша собой, а в молодости была красавицей. Такой учительницы у меня никогда не было. Должно быть, актриса, хотя вряд ли.

– Певица? – произнесла я, пытаюсь подстегнуть память. – Политик?

Карен пожала плечами – ее это явно не интересовало.

– Не увлекаюсь ни музыкой, ни политикой. Если это тебя так волнует, поищи в интернете. – Она опустила взгляд на медицинскую карту, которую держала в руке. – Элизабет Грир. У меня перехватило дыхание, и я замерла с чашкой кофе в руке.

– Что?!

– Так ее зовут – Элизабет Грир. – Карен посмотрела на меня, нахмутив брови. – Она что, знаменитость? Стоит попросить у нее автограф?

Я положила ладони на стол. Пальцы покалывало, щеки онемели.

– Нет. Ее автограф тебе ни к чему.

– Тебе видней, – ответила Карен.

Зазвонил телефон, и она отвернулась, чтобы взять трубку.

Элизабет Грир, подумала я и снова посмотрела на женщину. *Бет Грир*. Она читала книгу, не чувствуя моего пристального взгляда.

Разумеется, ее лицо было мне знакомо. Я видела его на десятках фотографий и в телевизионных репортажах. И сама размещала ее фото на своем сайте. Я не узнала ее, потому что у меня на сайте были выложены снимки сорокалетней давности, и никто не знал, как она выглядит теперь.

Бет Грир сидела в шести метрах от меня и читала книгу.

В 1977 году она была самой знаменитой убийцей в Клэр-Лейке.

В октябре 1977 года в шесть часов вечера мужчина по имени Томас Армстронг ушел с работы и сел в машину. Из центра Клэр-Лейка он направился к своему дому на берегу озера, куда можно было добраться по проселочным дорогам. До дома он не доехал. Его машину нашли в половине восьмого: фары включены, мотор работает, а тело Армстронга лежит на обочине.

Армстронг был добропорядочным человеком: жена, двое детей, ни криминальных связей, ни долгов. Похоже, он остановился по дороге домой – возможно, чтобы кому-то помочь. Ему дважды выстрелили в лицо – одна из пуль попала в мозг, вызвав мгновенную смерть. Рядом лежала записка, написанная явно женской рукой: *Я горькая или сладкая? Женщина может быть и той и другой. Опубликуйте это, или последует продолжение.*

Убийства в Клэр-Лейке случались редко, и можно было не сомневаться, что происшествие попадет на первые полосы газет. Но записка поставила местную полицию в затруднительное положение. Скрыть ее, чтобы не поощрять подражателей? Или выполнить требование убийцы? Оба варианта были плохими. Но в конце концов записку передали прессе, которая тут же дала убийце прозвище «Леди Киллер».

Все пребывали в недоумении. Неужели женщина действительно выстрелила в лицо незнакомому человеку, как Зодиак или Сын Сэма?

Врагов у Томаса Армстронга не было. Никто не представлял, кому понадобилось его убить; он был обычным мужем и отцом, возвращался домой с работы. На первый взгляд и никаких причин для расправы. Тем не менее его тело лежало на обочине дороги, стекла очков разбиты, а рядом – записка женским почерком.

Потом последовало продолжение.

Через четыре дня спустя убийства Армстронга еще один женатый мужчина по имени Пол Верхувер ехал с работы домой. Он тоже остановился на обочине в пригороде, и ему дважды выстрелили в лицо – одна пуля раздробила челюсть, другая вошла в правый висок. На этот раз свидетель, гулявший с собакой, услышал выстрел, вышел из леса и увидел, как женщина садится в автомобиль и уезжает. Рыжеволосая, в широком плаще.

Рядом с телом Верхувера нашли записку – тем же почерком, что и первая: *Поймайте меня!*

Город охватила паника. Никогда еще Клэр-Лейк не сталкивался с настолько жестокими и бессмысленными преступлениями. «Кто она – Леди Киллер?» – вопрошал заголовок газеты «Клэр-Лейк дейли». На следующий день к ней присоединилась «Клэр-Лейк фри пресс»: «Полиция предупреждает жителей города: с наступлением темноты соблюдайте осторожность». Всем, особенно мужчинам, советовали не останавливаться и никому не помогать на дороге. Новость подхватили радиостанции, и через несколько дней об убийствах знал уже весь штат. В город нагрянули репортеры из Портленда и Юджина.

Это была громкая история: двух ни в чем не повинных, уважаемых мужей и отцов хладнокровно застрелили, можно сказать, казнили. По улицам тихого приморского городка рыщет

таинственный хищник, видимо в поиске новых жертв. Жертвами оба раза становились мужчины, а убийцей, скорее всего, была женщина.

Свидетель второго убийства опознал женщину, которую видел на месте преступления: ее звали Бет Грир.

В 1976 году двадцатитрехлетняя Бет была красива и богата. Ее семья жила в особняке в Арлен-Хайтс, самой престижной части города. Отец умер в 1973 году – его застрелили во время ограбления дома, которое так и осталось нераскрытым, два года спустя мать погибла в автомобильной аварии, так что дочь осталась в доме одна, унаследовав родительские миллионы. У Бет были рыжие волосы, она носила широкий плащ. Ее машина напоминала ту, что видел свидетель. Сама Бет заявила, что в то время, когда были совершены оба убийства, находилась дома одна и пила вино.

Бет сфотографировали, когда она выходила из полицейского участка, красивая, невозмутимая и беспечная. Ее никто не любил; по словам соседей, она была неприветлива, а дома у нее собирались сомнительные личности. На машину наложили арест, дом обыскали, но никаких улик не нашли. Никто не мог даже вообразить причину, зачем богатой девушке убивать первых попавшихся мужчин. Но что-то нужно было придумать. Так Бет Грир стала сенсацией.

Газеты Портленда опубликовали статью, сопроводив ее фотографией смеющейся Бет Грир, красивой и сексуальной. Снимок был сделан за год до публикации, но это никого не волновало. И снова в газете появился заголовок-вопрос: «Женщина – новый Зодиак?» Сюжет подхватила «Нью-Йорк таймс», но фотографию напечатала более свежую, а заголовок смягчила: «Убийства совершила женщина? Полиция Орегона теряется в догадках». В статье говорилось, что в преступлении подозревают местную светскую львицу. Так Бет Грир стала самой знаменитой в Америке подозреваемой в убийстве.

Теперь женщина, вызвавшая когда-то такой переполох, сидела передо мной в приемной и спокойно читала книгу.

Я вспомнила ее на фотографиях 1977 года, стройную, красивую, в облегающих топах по моде семидесятых и в брюках с высокой талией; длинные рыжие волосы падают на плечи и спину. Взгляд огромных глаз идеальной формы завораживал и тревожил. Даже в мешковатом тюремном комбинезоне, когда ее привозили из тюрьмы и под конвоем вели в здание суда, она выглядела кинозвездой.

Онемевшими пальцами я доставала истории болезни, вводила в компьютер сведения о пациентах и отвечала на электронные письма. Бет Грир взглянула на часы на запястье и перевернула очередную страницу. Ее арестовали по подозрению в том, что она и есть Леди Киллер, и судили; суд превратился в блокбастер, за которым следила вся страна. Бет оправдали, но газетные заголовки задавали один и тот же вопрос: «Неужели Леди Киллер гуляет на свободе?»

Ответа никто не знал. Я написала статью о деле Леди Киллер для «Книги нераскрытых дел», но единственное, что мне удалось найти, – это бесконечное нагромождение спекуляций. Слишком много деталей, слишком много допущений. Слишком много вопросов. Почему именно эти двое мужчин? Были ли они знакомы с Бет? Кто она: молодая женщина, горящая об умерших родителях, или злобная психопатка с сексуальной внешностью? Означают ли что-то те записки и если да, то что? Почему дело передали в суд, хотя у обвинения не было ни орудия убийства, ни данных криминалистической экспертизы? Если убийца не Бет Грир, почему после ее ареста убийства прекратились? Киллер написал: «Поймайте меня!» Так пойман ли он? Оказалась ли Бет невинной жертвой или роковой женщиной?

На статью я потратила пять недель, трижды ездила на автобусе в Арлен-Хайтс, чтобы побродить у дома Гриров. Я нашла свидетельство о рождении Бет, ее водительские права, сведения о налогах на недвижимость. Прочла освещение дела в местной газете и сравнила с тем, что писала федеральная пресса, в том числе «Ньюсуик». Я собрала все версии – их были сотни – и все самые дикие конспирологические теории. Я изучила все фотографии Бет, кото-

рые только смогла найти, в том числе младенческие и детские. Я даже отыскала пиратскую копию фильма 1981 года с Жаклин Смит в главной роли, в основу сюжета которого легло дело Бет, и купила перепрошитый DVD-плеер, который обошелся мне в триста долларов, потому что фильм не был выложен в Сеть. Я анализировала каждую зацепку, выискивая ответы, – как и многие до меня. Я была одержима этими убийствами. До сих пор одержима. А в центре всей этой фантазмагии находилась Бет Грир, непостижимая и загадочная.

Сквозь плексигласовую перегородку я видела, как она рассеянно трет висок. Бет и теперь, несомненно, оставалась красавицей. Завораживающей – по крайней мере, меня.

Больше никто на нее внимания не обращал. Для остальных Леди Киллер стала древней историей, любопытной подробностью – если они вообще о ней слышали. Задолго до их рождения страшная осень 1977 года превратилась в смутные воспоминания или слухи. После суда и сенсационного оправдания интерес к Бет угас. Информации о ней за последние сорок лет почти не было, но я знала, что она не вышла замуж, у нее нет детей и она по-прежнему живет в особняке, предположительно одна. Виновна Бет или нет, но Леди Киллер убивать перестала. История, похоже, закончилась.

Бет закинула ногу на ногу и снова перевернула страницу.

Интересно, подумала я, это книга об убийстве?

– Мисс Грир?

Из смотрового кабинета выглянула медсестра. Бет отложила книгу и встала. Я посмотрела на нее и увидела молодую женщину, которую фотографировали по дороге в суд, увидела стоящую рядом с адвокатом оправданную обвиняемую, в красной шали и с красной помадой на губах. Я видела женщину – и одновременно самую большую тайну в истории Клэр-Лейка.

Никто не смотрел на нее, когда она шла через приемную. Кроме меня.

Глава 5

Сентябрь 2017

ШЕЙ

– Пойду на обед, – объявила я.

Обедать было еще рано, но Карен пожала плечами и отпустила меня. Чем раньше я уйду, тем раньше вернусь и отпущу ее. Я достала из-под стола сумочку и схватила куртку.

У врача Бет Грир пробыла сорок пять минут. Потом прошла через приемную и, не оглянувшись, скрылась в лифте. Не знаю, что заставило меня последовать за ней, но я поняла, что не должна упускать ее из виду.

Дождь прекратился, небо стало серо-голубым, ветер приносил запах океана. Люди на улице сидели в кафе, разглядывали витрины магазинов, фотографировали плавучие дома на озере. В Клэр-Лейке имелось целое сообщество, жившее на лодках, пришвартованных у пристани. Здесь были переходные мостики, вазоны с цветами, садовые гномы и воздушные змеи для отпугивания птиц – как возле обычных домов. Лет десять-двадцать назад город узаконил плавучие дома, а последующие попытки изменить планировку района ни к чему не привели. Теперь они превратились в одну из туристических достопримечательностей Клэр-Лейка, превосходное место для прогулок со стаканчиком кофе в руке. Люди останавливались в гостиницах, предлагавших ночлег и завтрак, и бродили по булыжным мостовым, отдыхая от суматохи больших городов.

Но к пристани Бет не пошла. Она свернула за угол на боковую улицу. Я шла за ней на безопасном расстоянии, прячась среди толпы. Бет свернула еще раз, затем еще. Потом я ее потеряла.

Я стояла рядом с маленьким тенистым сквером и оглядывалась, недоумевая, куда она пропала. Затем из сквера до меня донесся голос:

– Почему вы меня преследуете?

Это была Бет. Она сидела на скамейке под деревьями и наблюдала за мной. Несмотря на пасмурный день, на ней были солнцезащитные очки, большие, скрывавшие пол-лица. Позади нее возвышалась скульптура, изображавшая мужчину, выбирающегося из лодки, – какого-то исследователя штата Орегон. Бет сидела, закинув ногу на ногу; ее сумочка лежала рядом на скамейке. Она пристально смотрела на меня, ожидая ответа.

– Простите, – сказала я. – Мне известно, кто вы. – Это звучало немного угрожающе, и я поспешила объяснить: – Я пишу о преступлениях.

Бет окинула меня оценивающим взглядом, задержавшись на медицинской форме.

– Вы не похожи на автора детективов.

– Это мое хобби. Веду интернет-сайт. – Я покачала головой. – Еще раз простите. Меня зовут Шей Коллинз.

Бет Грир склонила голову набок, разглядывая меня.

Собирая материал о деле Леди Киллер, я нашла на «Ютьюбе» видео с Бет незадолго до ее ареста. Она выходила из машины и шла по дорожке к особняку Гриров. Репортер – мужчина в плаще с поясом и широких клетчатых брюках, словно с обложки журнала семидесятых, – подскочил к Бет, когда она остановила машину и открыла дверцу. Вероятно, репортеру улыбнулась удача, потому что других представителей прессы рядом не было. Потрясающие кадры: женщина с рыжими волосам и в плаще – все как описывал свидетель второго убийства.

– Мисс Грир! – крикнул репортер, бросаясь к ней и размахивая микрофоном. – Мисс Грир! Что вы можете сказать по поводу выдвинутых против вас обвинений в убийстве? Леди Киллер – это вы?

Бет захлопнула дверцу автомобиля и сунула руки в карманы.

– Я всего лишь девушка, которая не лезет в чужие дела. – Голос ее был бесстрастным и ровным, почти как у робота.

Повернувшись спиной к репортеру, Бет пошла прочь с таким видом, будто шагала по парижскому подиуму.

В 1977 году все считали отсутствие эмоций у обвиняемой в убийстве признаком почти неестественной бесчувственности – как у ведьмы. Просматривая это видео в 2017-м, я слышала голос измученной молодой женщины, потерявшей родителей и переживающей травлю, женщины, знающей, что никакие ее слова и действия не имеют значения. Она не была бесчувственной. Но она перестала беспокоиться, перестала бояться.

Я просто девушка, которая не лезет в чужие дела. Теперь она смотрела на меня. Женщина, возможно хладнокровно застрелившая двух мужчин и оставлявшая издевательские записки для полиции.

– Значит, вы хотите обо мне написать. Так? – Ее голос было невозможно не узнать. Тот же, что и на видео. – Вы не первая обращаетесь ко мне с такой просьбой.

– Я о вас уже писала.

Мимо меня по тротуару шли люди, и я шагнула вперед, к Бет, надеясь, что не испугаю ее. Или испугаю еще больше.

– Тогда что вам нужно? – В голосе Бет не было враждебности. Только любопытство.

Что мне нужно? Я знала ответ на этот вопрос. Кровь бурлила в жилах, мысли стремительно сменяли одна другую.

– Я хочу взять у вас интервью. – С Бет Грир у меня был шанс. Возможно, единственный шанс в моей жизни. – Хочу узнать, что произошло на самом деле. Услышать это от вас. – Я помолчала. – Хочу знать, что вы чувствовали. Тогда. И что чувствуете теперь.

– Вы многого хотите, – заметила Бет.

– Знаю.

Меня вряд ли можно было назвать девушкой, которая не лезет в чужие дела. Я порылась в сумочке, пытаясь найти визитную карточку, – однажды распечатала несколько штук, когда решила, что пора выглядеть солиднее, – но ни одной не обнаружила.

Вместо визитной карточки попался рекламный листок – я нашла его в почтовом ящике, сунула в сумку и забыла. Достав ручку, написала на листке адрес моего сайта, а ниже номер телефона.

– Клянусь, я профессионал, – сказала я, протягивая Бет меню тайской кухни. Щеки у меня пылали.

На лице Бет отразилось сомнение, но меню она взяла. И не швырнула его мне в лицо, не сказала, чтобы я не лезла в чужие дела. Прочла то, что я написала, сложила рекламный листок и спрятала в сумочку.

– Я подумаю, – сказала она.

– Спасибо.

– Возвращайтесь на работу, Шей, – сказала Бет после секундной паузы.

Мои ноги словно приросли к земле. Я не могла уйти, пока не узнаю.

– Вы собираетесь подумать или собираетесь его выбросить? Просто скажите, чтобы я не вздрагивала от каждого телефонного звонка. Такого в моей жизни еще не было. Это трудно объяснить.

Бет сняла темные очки. Да, она постарела на сорок лет, но это были те же глаза, что и на видео.

– Для вас это действительно так серьезно? Вы пишете книгу или что-то в этом роде?

– Нет, – честно ответила я, потому что понятия не имела ни как пишут книги, ни как их публикуют. Эта мысль никогда не приходила мне в голову. – Но для меня это серьезно.

– Хорошо, буду с вами откровенна, – сказала Бет. – Меня много раз просили об интервью. Предлагали деньги. Меня это не интересует. Но вы на других не похожи.

Я молчала. Хорошо это или плохо? И важно ли это?

– Да, я подумаю, – продолжила Бет. – Несмотря на вашу бестактность – или благодаря ей. Я подумаю. Этого достаточно?

– Да, – сказала я. – Спасибо.

– Пожалуйста. Возвращайтесь на работу, пока вас не уволили.

Я повернулась и пошла в клинику; мысли путались. Я ничего не замечала. И забыла, что не пообедала. Придется перекусить крекерами и сыром, которые я сунула в сумку сегодня утром.

Вернувшись на рабочее место, я окинула взглядом стопку медицинских карт на тележке, стоявшей между мной и Карен. Одна из них принадлежала Бет Грир.

Может, Бет больна? Может, именно поэтому она обещала подумать над моим предложением? Что-то вроде признания на смертном одре?

Я могла бы это выяснить. Легко.

Мой взгляд переместился к надписи над запертой картотекой: «НАПОМИНАНИЕ СОТРУДНИКАМ: ИНФОРМАЦИЯ, СОДЕРЖАЩАЯСЯ В МЕДИЦИНСКИХ КАРТАХ ПАЦИЕНТОВ, КОНФИДЕНЦИАЛЬНА!»

Меня уволят, если увидят, что я читаю карту Бет.

Еще секунду я боролась с искушением. Никогда в жизни я не нарушала такого рода правил. Потом встала, взяла стопку карт и начала расставлять по полкам.

Глава 6

Сентябрь 2017

ШЕЙ

– Ну, тебе не выписали судебный запрет на приближение, – сказал Майкл по телефону. – Уже кое-что.

Я была дома. Зажав телефон между плечом и ухом, запихивала в духовку порцию лазаньи.

– Послушай, я разговаривала с пожилой дамой в общественном парке. Это было совершенно невинно.

– Невинно – довольно странное слово, если речь идет о Бет Грир.

Я закрыла духовку и выпрямилась, уловив сарказм в его тоне.

– Думаешь, это сделала она? Ты знаком с этим делом?

– С делом Леди Киллер знаком весь Клэр-Лейк. А я пять лет служил в полиции города. У копов свое мнение на этот счет. Ее оправдание выставило их болванами, а оба убийства так и остались нераскрытыми.

К Майклу я обратилась в том числе и потому, что он – бывший коп. Мне было любопытно, почему он уволился, но спросить я не решалась – это личное.

– Значит, ты думаешь, что это она.

– Я думаю, что Бет Грир предъявили обвинение в убийстве. Да, иногда обвинения бывают ложными. Но в большинстве случаев они обоснованны.

– У полиции не было данных экспертизы. – Моя любимая тема, могу говорить о ней часами. – Вообще никаких. Ни волос, ни волокон, ни крови, ни ДНК.

– Ты забываешь, что пули выпущены из того же оружия, из которого убили отца Бет.

– Но пистолет так и не нашли. А Бет было девятнадцать, когда погиб ее отец. Думаешь, девятнадцатилетняя девушка застрелила отца и инсценировала ограбление?

– Шей, у них был свидетель убийства Верхувера.

– Да, но он лишь мельком видел ее в темноте, а в суде признался, что в тот вечер выпил, и немало. Почерк в записках не совпадает с почерком Бет. И сколько ее ни допрашивали, она не призналась и ни разу не запуталась в показаниях.

– Это означает, что она очень, очень умна.

– Да ладно. Копы сделали все, что могли, – я знаю. Но и они могут ошибаться.

– Я признаю, что доказательства в суде были не такими убедительными, как могли бы. А у Бет Грир был лучший адвокат, которого только можно нанять. Но, Шей, я видел много социопатов. Те из них, кто поумнее, – непревзойденные лжецы. Они способны заставить человека поверить во все что угодно, можешь не сомневаться. Их жизнь – сплошная манипуляция, по-другому они не умеют. Они лгут как дышат, и они убедительны, потому что почти всегда сами верят в то, что говорят. Такие люди способны заманить тебя в ловушку, они очень опасны. Ты читала и писала о таких случаях, а я имел с ними дело.

Я подумала о моем несостоявшемся убийце: он сидит в тюрьме и, наверное, считает дни до слушаний по досрочному освобождению. Мне написали из Управления тюрем, приглашая на слушания, чтобы я выступила с заявлением потерпевшего. Это письмо я сунула под стопку других, не в силах его видеть.

– Я тоже встречалась с ужасными людьми. Конечно, я не коп, как ты, но жизнь меня с ними сталкивала.

– Ладно, – сказал Майкл. – Я просто призываю тебя к осторожности. В любом общении Бет Грир норовит захватить инициативу, и обычно у нее получается. Она уже заставила тебя с нетерпением ждать, что же она решит. За прошедшие сорок лет ее просили дать интервью десятки или даже сотни раз. Как ты думаешь, почему она выбрала тебя?

Неприятный вопрос, но Майкл прав. Я не писатель, не журналист, не исследователь. Я никто. Зачем я понадобилась Бет Грир?

– Спрошу, если она согласится, – ответила я.

– Она знает, что тебе нужна информация, и поэтому что-то тебе расскажет, а что-то нет. Она собирается встречаться с тобой на своих условиях. И поведет тебя туда, куда нужно ей.

Головой я понимала, что он прав. Почти каждый вечер я писала о социопатах и психопатах и в общих чертах представляла схему их действий – как любая нормальная женщина, у которой на книжной полке стоит первое издание «Маленьких жертв»¹. Несмотря на то что Бет уже за шестьдесят, нет никакой гарантии, что она не опасна. Проблема состояла в том, что я не была уверена, что убийца – она.

– Если бы Бет была мужчиной, – сказал Майкл, – ты бы к ней даже не подошла.

Я рассмеялась, хотя он, как всегда, угадал.

– Я даже к тебе не подошла, хотя работаю с тобой уже больше года.

– Я не серийный убийца, – заметил он.

– Именно это серийный убийца и сказал бы.

– Справедливо. Хочешь проверить мои отпечатки пальцев и ДНК? Вероятно, я смогу это устроить.

Запищал таймер духовки, и я ее выключила.

– Это серийный убийца тоже сказал бы. Впечатляющее обещание, невыполнимое, но звучит убедительно.

– Ладно. Я оскорблен, но, по крайней мере, ты мыслишь так, как мне хочется, чтобы ты мыслила насчет Бет Грир.

Я пообещала быть осторожной и закончила разговор. Но, доставая из духовки свой одинокий ужин, слушая, как ветер швыряет капли дождя в мое окно, и готовясь к очередному одинокому вечеру в темноте, я призналась себе, что с готовностью пойду туда, куда поведет меня Бет Грир.

Звонок раздался в час ночи. Я едва уснула, как на тумбочке зазвонил телефон. Номер был незнакомый.

С бешено колотящимся сердцем – звонок в час ночи мог означать, что это либо Эстер, либо родители, – я взяла телефон. И сразу узнала голос.

– Это Бет.

– Бет? – Я села на кровати.

– Я читала ваш сайт, – сообщила она, даже не извинившись, что разбудила меня. – Читала, что вы обо мне написали.

В темноте я провела ладонью по лицу. Сочиняя статью, я и представить не могла, что Бет Грир ее прочитает.

– И что скажете?

– Кое в чем вы правы, кое в чем нет. Вы не говорили с детективом Блэком. И с Рэнсомом.

Детектив Джошуа Блэк расследовал дело Леди Киллер. Рэнсом Уэллс был адвокатом Бет. Оба все еще были живы, и оба жили в Клэр-Лейке.

– Я пыталась. Ни один из них не захотел со мной говорить.

¹ «Маленькие жертвы» (*Small Sacrifices*) – бестселлер Энн Рул об убийце из Орегона. По книге был снят сериал. – Здесь и далее прим. переводчика.

– Поговорят, если я им скажу. – В ее голосе сквозила непоколебимая уверенность богатой и красивой женщины, желания которой исполняются всегда, даже теперь.

– Постойте, – переспросила я, – вы говорите, что организуете мне встречу с обоими?

– Да, потому что я собираюсь дать вам интервью, – сказала Бет. – Начнем в воскресенье. Приезжайте ко мне к десяти часам. Я не готовлю, не варю кофе, и у меня нет слуг, так что всю эту фигню привозите с собой.

Послышался щелчок. Она отключилась.

Я смотрела в темноту, прижимая к уху молчащий телефон.

Свершилось.

Я возьму интервью у Бет Грир.

Глава 7

Сентябрь 2017

БЕТ

Закончив разговор, Бет Грир положила телефон на кровать рядом с собой. Уставилась в темноту.

Она лежала в главной спальне особняка. Сорок пять лет назад это была спальня ее родителей. Они спали на этой самой кровати. Бет не стала ее менять. Она понимала, это странно. Теперь кровать была старой и пахла плесенью. Белье посерело после сотен стирок. На тумбочке стояла стеклянная отцовская пепельница, большая и тяжелая, а на комод – флакон кольдкрема, принадлежавшего матери. За почти пятьдесят лет он превратился в порошок. Но хотя бы пижама на Бет была ее собственной, из тонкого шелка, очень дорогая. Пижамы она хранила в комод поверх ночных рубашек матери.

Бет подтянула колени к груди и обхватила их руками. Сегодня она не стала принимать снотворное. Взяла ноутбук и вошла в интернет, чтобы прочесть статью Шей Коллинз о себе, а потом потеряла счет времени. А теперь уже поздно, слишком поздно. Конечно, можно проглотить таблетку, но Бет будет слышать звуки, прежде чем заснет.

Снотворное лучше принимать, пока звуков нет, чтобы вообще их не слышать.

Она уловила какое-то движение в коридоре за дверью спальни. Звук был тихим, но пальцы Бет рефлекторно стиснули одеяло. Она привыкла к страху, она жила с ним очень давно. Несколько десятилетий. Так давно, что другого уже не помнила. Всегда. Теперь она уже не представляла, какой может быть жизнь без страха. За эти годы Бет досконально изучила его контуры, меняющуюся форму, вкус и запах.

Ты не уезжаешь.

Ты не рассказываешь.

Таковы правила. А теперь она собирается нарушить второе из них, не так ли? Все рассказать Шей Коллинз, которая столько о ней читала. Которая знает все – и ничего.

Из коридора донеслись шаги и такой звук, будто что-то волокут по полу. Бет закрыла глаза, хотя в абсолютной темноте разницы никакой не было. Она заперла дверь спальни. Да, заперла. Она помнит, как это сделала, помнит прикосновение пальцев к прохладной ручке замка. Или это было вчера? А может, позавчера?

Таблетки лежали на тумбочке, но теперь Бет не могла ими воспользоваться. По крайней мере, пока не убедится насчет двери. Потому что, если дверь не заперта, она не хотела бы спать, когда существо из коридора войдет к ней.

Она ждала, прислушиваясь.

Звук повторился, потом послышался тихий щелчок – поворот дверной ручки – и скрип открывающейся двери. Эта была дверь в ванную дальше по коридору. Снова что-то волочит по полу, щелчок, скрип. Теперь это детская спальня Бет. Двери открывались, одна за другой. Пока очередь не дошла до главной спальни в самом конце коридора.

Бет понимала, что должна встать, подбежать к двери и проверить замок. Но было уже поздно. Она не могла заставить себя сдвинуться с места.

Звук приблизился. Потом послышался щелчок. Ручка двери начала поворачиваться. В одну сторону, потом в другую.

Бет закрыла глаза.

Ты не уезжаешь.

Ты не рассказываешь.

Но обстоятельства меняются. Лихорадку безумия нужно остановить, и это будет тяжело. Пострадают люди. Так происходит всегда, когда соприкасаешься с безумием. Страданий и боли не избежать.

О безумии Бет знала все.

Щелк. Щелк.

Попытка повернуть дверную ручку в одну сторону, потом в другую. Еще одна попытка.

Дверь не открылась, потому что была заперта.

Бет потянулась за флаконом с таблетками на ночном столике, и из коридора донесся голос. Исполненный отчаяния крик. Потом плач.

– Пожалуйста, – умолял голос. – Пожалуйста.

Это мне кажется, убеждала себя Бет, глотая таблетку насухо, без воды. Она давно мертва. Мне кажется.

– Пожалуйста, – завывал голос в коридоре.

Что-то с силой дернуло ручку двери. Послышался громкий щелчок, но замок выдержал.

Бет Грир расправила одеяло и забралась под него. Все это ненастоящее. Таблетка действует, и утром все развеется как сон.

Закрыв глаза, она ждала, когда подействует таблетка, а в коридоре за дверью спальни плакала ее мать.

Глава 8

Октябрь 1977

БЕТ

Мужчина, сидевший напротив нее, вставил кассету в магнитофон и нажал клавишу.

– Сегодня двадцатое октября 1977 года, – сказал он, когда магнитная лента пришла в движение. – Я детектив Джошуа Блэк из полиции Клэр-Лейка. Присутствуют также детектив Мелвин Вашингтон из полиции штата Орегон и Элизабет Грир. Мы находимся в комнате для допросов отделения полиции Клэр-Лейка. Мисс Грир, вы не возражаете, если наш разговор будет записываться?

Руки Бет неподвижно лежали на коленях.

– Нет, не возражаю.

– Пожалуйста, назовите ваш возраст – для протокола.

– Мне двадцать три года.

– Вы здесь по собственной воле и вы не задержаны?

– Верно.

Детектив Блэк помедлил секунду, потом кивнул. Ему было чуть за тридцать, отросшие густые каштановые волосы слегка вились на концах. Она узнала его по фотографиям из газет, главным образом по снимку, сделанному утром после первого убийства. Место преступления сфотографировали с противоположной стороны дороги: машина на обочине, рядом с ней на земле – накрытое простыней тело. Мужчина в темной куртке стоит рядом с машиной и хмуро смотрит себе под ноги – тот самый, что теперь сидел напротив нее. Бет узнала его, когда он пришел к ней домой вместе с коллегой и предложил поехать в полицейский участок. Симпатичный, чисто выбритый – в отличие от коллеги, детектива Вашингтона, который стоял теперь позади него, прислонившись к стене, и глазел на Бет поверх пышных усов.

Она скрестила руки на груди. Было холодно, и Вашингтон снова окинул ее торопливым взглядом.

– Итак, – сказал детектив Блэк. – Мисс Грир...

– Называйте меня Бет.

Он моргнул, потом продолжил:

– Итак, начнем. Можете сказать нам, где вы были вечером пятнадцатого октября, пять дней назад?

– Я была дома.

– Не торопитесь, подумайте. Вы уверены?

– Да, я уверена.

– Абсолютно? – Это уже был Вашингтон, по-прежнему сверливший ее взглядом. Его пальцы забарабанили по бедру, потом замерли. – Чем вы занимались?

Бет сдержала дрожь.

– Я пила.

– Одна?

– Не знаю. – Бет нервничала, мысли путались, она уже сомневалась в себе самой. – Да. Я была одна. Пила.

Вашингтон неодобрительно прищурился. Бет привыкла к подобным взглядам. Так на нее смотрели все – незнакомые люди, продавцы в продуктовом магазине, соседи по Арлен-Хайтс, с которыми она случайно сталкивалась. Этот взгляд говорил: *«Тебе двадцать три, ты одна из самых богатых жительниц города, у тебя есть все, а ты только пьешь и устраиваешь*

вечеринки. Тебе должно быть стыдно». Всем было плевать, что ее родители погибли и что богатство и счастье – не одно и то же. Всем было плевать, что она не спит по ночам, лежа в пустом доме, прислушивается к доносящимся из коридора звукам и гадает, реальные они или только мерещатся ей. Алкоголь позволял забыть обо всем этом – по крайней мере, на время. Бет была нечувствительна к такому взгляду, как и ко всему остальному в своей жизни.

– Мисс Грир, – повторил симпатичный коп, и, хотя его голос звучал мягко и успокаивающе, ее безразличие сменилось таким пронзительным, выворачивающим наизнанку страхом, что она едва не вскрикнула. Это не ночной кошмар, после которого она проснется. Она в полиции, и это реально. И она здесь одна.

Бет посмотрела на детектива Блэка, ожидая продолжения. Ужас сковал ее язык.

– Вы должны хорошенько подумать, – сказал детектив Блэк. – Я знаю, вы говорили, что много выпили и не очень хорошо все помните. – Презрительное фырканье коллеги он проигнорировал. – Но вы должны точно вспомнить, где были в тот вечер и был ли кто-то с вами. Может, вас кто-то видел. Напрягите память.

В памяти эта сцена предстала четко, как на фотографии: Блэк в коричневом костюме и темно-синем галстуке сидит за столом; Вашингтон, без пиджака, с распушенным на полдюйма галстуком, прислонился к стене. В комнате пахнет сигаретным дымом, хотя никто из них не курит. Магнитофон, яркий свет, поцарапанный стол. Ручка, которую Блэк держит в руке, зависла над лежащим на столе блокнотом – детектив ждал, когда она заговорит. Она сама, сидящая со скрещенными на груди руками. На ней темно-зеленая блузка, джинсы с высокой талией и сапоги на молнии и высоких каблуках. Рыжие волосы собраны в хвост, в ушах золотые кольца.

Когда она шла вслед за Блэком и Вашингтоном через полицейский участок в комнату для допросов, все копы беззастенчиво пялились на нее. Стало тихо; все разговоры смолкли. Бет знала, что выглядит как богачка. Она и была богачкой. Таких не приводят в полицейский участок. Богатство не означает счастья, но никому не было до этого дела, и особенно копам, которые смотрели на нее и видели девушку, которая отшила бы их, заговори они с ней в баре. Девушку, которая высмеяла бы их, если бы они захотели с ней переспать. Девушку, которая могла от скуки застрелить двух почтенных отцов семейства.

Если она действительно это сделала, значит, она безумна. Неужели все они считают ее сумасшедшей?

– А прошлым вечером? – спросил детектив Блэк, вежливо, но настойчиво. – Вы помните, где были вчера вечером?

Да, это происходит на самом деле. Определенно. Она почувствовала такой же приступ паники, как тогда, когда увидела залитую кровью кухню, где убили ее отца. Тело к тому времени успели увезти, но Бет до сих пор казалось, что все происходит прямо сейчас и никогда не прекратится, что она не может просто закрыть книгу или выключить телевизор, а потом уйти. Что это начало чего-то плохого.

– Вчера вечером я была дома, – ответила Бет, потому что это не имело значения. Ответы должны быть одинаковыми. Правду она сказать не могла. Никак.

Накануне вечером убили второго мужчину. Об этом написали все газеты.

Детектив Вашингтон отделился от стены. Сунул руку в карман и достал пачку сигарет.

– У вас есть черный «бьюик» 1966 года? – Его голос звучал резко.

Они уже знали ответ. Должно быть, еще до того, как пришли к ней домой.

– Да, это одна из моих машин.

У нее их было три. Свидетельство ее богатства. Вашингтона это жутко злило, она видела по глазам.

– Вы ездили на ней пятнадцатого октября?

– Нет.

– Вы только что сказали, что пили и точно не помните.

– Я бы знала, если бы садилась за руль.

Даже в нетрезвом состоянии Бет всегда помнила, как усаживалась в машину и поворачивала ключ зажигания. Она уже садилась пьяной за руль и в ее памяти запечатлевалась каждая из таких поездок, независимо от того, сколько выпила. Кроме того, утром после убийства «бьюик» был аккуратно припаркован рядом с другими машинами: она не смогла бы этого сделать, напившись до потери памяти.

Как и сегодняшним утром. С вечера она поставила «бьюик» на его обычное место. Бет точно это помнила.

– Возможно, вы забыли. Допустим, вы сели за руль, но не помните, – сказал детектив Блэк.

Он как бы искренне сожалел, что она сидит здесь и ее приходится беспокоить всеми этими вопросами. Вероятно, это была такая тактика, действовавшая – вместе с привлекательной внешностью – на женщин, подозреваемых в убийстве. Подумав об этом, она сообразила, что на ее памяти в Клэр-Лейке не было убийств, не говоря уже о женщинах-подозреваемых. Только эти два. И она.

Вашингтон открыл пачку сигарет, и Блэк посмотрел на коллегу. Один короткий взгляд, и Вашингтон убрал сигареты. Лицо его пошло пятнами, но он подчинился. Блэк снова повернулся к Бет, ожидая ответа.

– Я была дома, – сказала она.

– Вы знали Томаса Армстронга?

– Нет.

– Вы знали Пола Верхувера?

– Нет.

Вашингтон сделал еще один шаг вперед. Теперь он стоял рядом с коллегой, нависая над Бет, – все еще злясь, оттого что ему не позволили курить.

– У вас есть пистолет? – спросил он.

– Нет.

– Мужчина, выгуливавший собаку, слышал выстрелы, – сообщил детектив Вашингтон. – И видел похожую на «бьюик» машину, которая ехала по Клэр-Лейк-роуд от места убийства. За рулем была женщина.

По спине Бет потекли ледяные капли пота.

– Это была не я, – сказала она.

– На Клэр-Лейк-роуд движение небольшое, – заметил детектив Блэк. – У женщины были длинные волосы и широкий плащ. Свидетель убежден, что волосы были рыжие. Он узнал вас по фотографии.

Страх прошел, как проходит лихорадка. Достиг определенной точки, а затем просто пропал. Его сменила злость, холодная ярость, которая не помещалась внутри и норовила выплеснуться наружу. У нее всегда был непростой характер, но она редко позволяла себе его проявлять.

– Это была не я, – повторила Бет, стараясь, чтобы слова звучали презрительно.

– Вы не можете этого утверждать, потому что сами сказали, что не помните, – не сдавался детектив Вашингтон. – Вы были слишком пьяны – по крайней мере, так вы сказали. Откуда вам знать, что это были не вы?

Бет подняла голову и посмотрела ему в глаза. Злость исчезла, и Бет подумала о том, что он глуп. Что он понятия не имеет, во что ввязался, и теперь только путается под ногами. Ее ответ был пропитан холодной яростью.

– Это была не я, идиот. Меня не было в той сраной машине.

На секунду оба следователя растерянно умолкли. Они могли справиться с паникой, они привыкли иметь дело со страхом. Они даже были готовы ко лжи и неловким попыткам уклониться от ответов. Чего они не ожидали, так это злости. Ярость пылала у нее внутри, выжигая кислород. Бет знала, что должна погасить ее, но все равно смотрела в глаза Вашингтону, позволяя пламени бушевать с прежней силой.

Он посмотрел на нее с удивлением и отвращением, словно на животное в зоопарке, мочащееся на пол. Гнев и ругань. Надо сдерживаться.

Но гнев уже вырвался на волю, а раскаяния Бет не чувствовала.

Детектив Блэк прочистил горло и продолжил допрос:

– Мистер Армстронг и мистер Верхувер были убиты пулями двадцать второго калибра. Я понимаю, вы смущены, потому что обычно мы не спрашиваем юных леди о таких вещах. В обычных обстоятельствах вы были бы последней в списке подозреваемых.

Бет сидела неподвижно, ожидая продолжения. В наступившей тишине слышалось только гудение магнитофона.

– Ваш отец погиб в 1973 году. Застрелен на кухне ворвавшимся в дом преступником, когда был дома один. Из оружия двадцать второго калибра. Мы собираемся сравнить результаты баллистической экспертизы тех пуль и этих.

Этого не может быть.

И тем не менее.

– Может, вы хотите что-нибудь сообщить нам? – сказал детектив Блэк.

– Мне нечего вам сообщить, – ответила она.

Возможно, это ложь. В глубине души ей хотелось рассказать ему, на что похожа ее жизнь. Что алкоголь прогоняет призраков – не всегда, но почти. Что иногда ею овладевает страх, а иногда ярость. Что иногда она не понимает, что реально, а что нет.

Но Бет не будет ничего говорить. Ни о смерти отца. Ни о чем другом. Некоторые вещи лучше похоронить в глубинах памяти.

Некоторые вещи *следует* там похоронить.

– Вы знали Томаса Армстронга? – повторил вопрос Вашингтон.

– Нет, – ответила она, с трудом шевеля непослушными губами.

– Вы знали Пола Верхувера?

– Нет.

– Вы видели кого-то из них?

– Нет.

– Записки – ваших рук дело?

– Нет. – Теперь злость иссякла, и Бет чувствовала себя опустошенной. Ей нужно выпить. Она встала. – Я больше не намерена отвечать на ваши вопросы. Я ухожу.

Детективы позволили ей уйти – Вашингтон с раздражением, Блэк покорно. Она чувствовала на себе взгляды копов, пока шла через полицейский участок. Разговоры снова смолкли. Кто-то тихо присвистнул. Бет была уже у самых дверей, когда один из них сказал:

– Ты вернешься, дорогуша. В следующий раз будет хуже.

Она вышла наружу и остановилась на ступеньках, вдыхая запах океана. Душевное равновесие восстанавливалось: больше не нужно сидеть в душной комнате и смотреть на этих двух мужчин.

Все только начинается.

Может, она этого не переживет.

Может, она это заслужила.

Она направилась к машине, чтобы ехать домой.

Глава 9

Сентябрь 2017

ШЕЙ

20 октября 1977 года, на следующий день после убийства Пола Верхувера, Бет сфотографировали дважды. Она выходила из полицейского участка в Клэр-Лейке после допроса. Копы ее еще не арестовали – это произойдет позже, когда полиция будет уверена, что сможет доказать обвинение в суде.

На Бет была темно-зеленая блузка, завязанная узлом на поясе, и джинсы с высокой талией; волосы стянуты в хвост, в ушах золотые кольца. Она шла одна. Обернулась на камеру: глаза прищурены, радужка прикрыта веками, зрачки угольно-черные. Красивая, чувственная, безжалостная. Убийца.

В тот день Бет не арестовали, но, когда фотография появилась в «Клэр-Лейк дейли», город все решил. Эта женщина – эта равнодушная, бесчувственная женщина – виновна. Всюду, где бы ни появлялась Бет в те несколько дней между убийствами и арестом, ее фотографировали.

Именно тот первый снимок я положила перед собой в субботу утром, пока пила кофе и просматривала материалы, собранные для статьи о деле Леди Киллер. Я снова посмотрела на лицо Бет, мысленно сравнивая его с лицом женщины, с которой разговаривала в парке. Несомненно, на фото Бет Грир не выглядит невинной жертвой. В ней чувствуется жесткость, которая людям казалась неподобающей для двадцатитрехлетней девушки; эта жесткость сохранилась и сегодня. Женщина, с которой я познакомилась в парке, не смутилась и даже не разозлилась, обнаружив за собой слежку. Она просто поменялась со мной ролями и заставила меня отвечать на вопросы.

Я видел много социопатов, сказал Майкл. Те из них, кто поумнее, – непревзойденные лжецы.

Насколько мне было известно, Бет Грир никогда не ставили диагноз «социопатия». Она вообще ни разу не была на приеме у психиатра.

Социопаты искусно лгут потому, что лишены подлинных человеческих эмоций. Они их имитируют – вынужденно, поскольку сами их не испытывают. Гнев, печаль, страх, сострадание – исследователи доказали, что социопат ничего этого не чувствует.

Когда Рэнсома Уэллса, адвоката Бет, спросили об этом во время интервью в 1989 году, он ответил:

– Я узнаю чистое зло, едва вижу его.

Открыв браузер, я включила видеозапись, как Бет выходит из машины под дождем. В сотый раз репортер в клетчатых брюках и широком плаще бросается к ней с микрофоном в руке. В сотый раз Бет сует руки в карманы плаща и поворачивается к нему.

Я просто девушка, которая не лезет в чужие дела, в сотый раз говорит она.

Может, она просто устала?

А может, сдерживает улыбку?

Оторвавшись от своих утренних занятий, я выглянула в окно и увидела на парковке незнакомого мужчину; он сидел в машине и читал. Погода была неустойчивой – лето отступало, сменяясь осенней прохладой, и облака мчались по небу, то и дело закрывая солнце, и свет словно мигал. Мужчина сидел в черном джипе на маленькой стоянке, ближайшей к моему

дому. Лицо закрывал козырьком бейсболки, двигатель машины был заглушен. Мужчина читал книгу.

Я не собиралась лезть в чужие дела, но меня донимал вопрос: кто читает книгу в припаркованной машине? Родители, которые ждут детей возле школы. Больше мне в голову ничего не приходило. Если он хотел провести время за чтением, то в двадцати футах от него была лужайка со скамейкой. Я подождала минуту, две, пять, но мужчина не уезжал.

Господи, Шей. В голове у меня раздался голос Эстер. *Ты только что сама себе ответила. Он кого-то ждет. Сейчас субботнее утро, у людей своя жизнь. Займись собственными делами.*

Я понимала, что она права. Но внутренним взором по-прежнему видела машину, которая остановилась рядом со мной, когда я шла из школы между поскрипывавшими под тяжестью снега деревьями. Стекло опустилось, и я услышала голос: «Эй, привет, ты не замерзла?» И вспомнила наставления матери: «*Со взрослыми, Шей, надо быть вежливой.*»

Это была неправда – худшая, какую я только слышала, – будто детям следует всегда быть вежливыми со взрослыми. Она преследует меня по сей день. Я взяла телефон, собираясь сфотографировать мужчину, его автомобиль и номерной знак. На всякий случай.

Когда мой палец завис над кнопкой, в голове снова прозвучал голос Эстер, спокойный и рассудительный: «*Шей, ты давно была у психотерапевта?*»

Давно. Последний раз – незадолго до развода, больше года назад. Несмотря на «долгосрочные последствия травмы», как выразилась мой терапевт, она сочла, что налицо огромный прогресс. Я отказалась от лекарств – это была ее идея. В тот момент у меня была постоянная работа, стабильный брак, и я вела активную жизнь. *Вы можете это отпустить, Шей,* говорила она. *Вы уже это делаете. Это нелегко, но люди справляются.*

И я перестала к ней ходить. Месяц спустя мой муж Ван – его родители были поклонниками Вана Моррисона – съехал. Теперь у него появилась новая подруга. При мысли об этом я чувствовала себя ничтожеством.

Эй, привет, ты не замерзла?

Теперь я жила одна, а одинокой женщине осторожность никогда не помешает.

Я сделала снимок и отложила телефон.

Выйдя из квартиры, чтобы купить что-нибудь на обед, я почувствовала запах дыма. Когда я открыла дверь на лестницу, то увидела женщину, которая поспешно тушила сигарету. Это была моя соседка по лестничной площадке. Мы виделись один раз, мельком, в день, когда она въезжала в квартиру.

– Простите, – смущенно сказала она. – Я пытаюсь бросить. Но ведь одна сигарета на лестнице не считается, правда?

– Все нормально, – солгала я.

У меня не было настроения ее жалеть. Выглядела она так себе: растянутые легинсы и футболка, седеющие каштановые волосы собраны в хвост. Дресс-код женщин, чья жизнь недавно дала трещину, хотя по какой-то причине соседка не поленилась накрасить ресницы и подвести глаза темным карандашом. Я, как всегда, безнадежно зависла между «нужно что-то делать» и «мне плевать».

– Вы Элисон, да? – спросила я.

Женщина кивнула.

– А вы Шей.

Мы улыбнулись друг другу.

– Больше не буду курить, обещаю. Просто выдалась тяжелая неделя.

– Понимаю. – Я решила воспользоваться моментом. – Ваша тяжелая неделя не имеет отношения к мужчине, который сидит в машине на парковке?

Элисон удивилась, потом смутилась.

– Он все еще там? – Соседка опустила взгляд. – Да, это мой бывший. У нас были планы, но мы поругались, и я передумала. Теперь он здесь – по его словам, ждет, пока я образумлюсь. – Она посмотрела на меня. – Только не говорите, что тоже разведены.

– Разведена.

Она смущенно рассмеялась.

– Вы слишком хорошенькая для разведенной.

Странное замечание, но я поняла. Она стеснялась своих легинсов и растрепанных волос. У меня тоже был не слишком шикарный вид – старые джинсы, футболка – удобная, со множеством карманов, длинные волосы тоже собраны в хвост, макияжа почти нет, – но по этой ухабистой дороге я прошла дальше, чем она.

– Мой бывший думает, что его новая подружка красивее, – сказала я, хотя и не жалела о том, что Ван съехал.

Плечи Элисон немного расслабились, морщины вокруг глаз стали менее заметными, и она кивнула:

– Тогда пусть катится подальше.

Я тоже кивнула. Интересно, чем отличается социопат от человека, который каждый день лжет, чтобы успокоить других?

– Точно, – сказала я. – И не вздумайте образумливаться.

– Правда? – удивилась она.

– Правда.

– Он говорит, что скучает по мне, но, когда мы вместе, я безумно его раздражаю. И всегда раздражала. Можно сказать, он меня выставил. Почему он теперь скучает?

Через две недели после расставания Ван попытался применить тактику «давай начнем все сначала». Я удивилась, но потом вспомнила, что он не любит ходить в магазины и готовить и поэтому взвалил эти обязанности на меня. Вероятно, эти две недели он голодал.

– Расставаться тяжело, – сказала я Элисон, – но, если это правильный выбор, оно того стоит.

Она смотрела на потушенную сигарету в руке, словно раздумывая, не закурить ли снова.

– Он говорит, что хочет забрать кота. У нас был кот, но мой бывший его словно не замечал, и я взяла его с собой – иначе его никто бы не кормил. В смысле кота. – Соседка нахмурилась. – Теперь он заявляет, что хочет поговорить насчет кота. Что это значит? Он так хочет поговорить, что готов обсуждать кота, на которого ему плевать? С другой стороны, я могу просто отдать кота, и пусть проваливает. Как вы считаете, что мне делать?

Я задумалась. Интересно, каково это – быть замужем за человеком, который сидит на парковке, читает книгу, ждет, пока ты образумишься и дашь ему то, чего он хочет, независимо от того, говорил ли он когда-нибудь о своих желаниях. Нет уж, лучше до самой смерти жить одной.

Я пожала плечами.

– Не возвращайтесь. И не отдавайте ему кота. Это мой вам совет. Но предупреждаю: я уже давно не была у психотерапевта.

Явно шокированная, она кивнула. Войдя в лифт, я услышала, как закрывается дверь ее квартиры. Больше она не сказала ни слова.

Глава 10

Сентябрь 2017

ШЕЙ

В воскресенье темное небо висело низко, воздух был влажным. По мере того как автобус приближался к району, где жила Бет Грир, соленый запах океана усиливался. Арлен-Хайтс стоял на склоне, который возвышался над причалом в центре города и обрывался отвесной стеной, уходящей в воду. Ветер здесь был резче, но вид открывался потрясающий – на город внизу и на безбрежный Тихий океан.

Наша семья была небогатой; отец работал на фабрике, производившей автозапчасти, а мать – внештатным учителем. Когда я была маленькой, мы жили в одном из небольших домиков в Клэр-Лейке, вдали от причалов и туристов. Я каждый день ходила в школу в своем тихом районе мимо аккуратно подстриженных кустов и парка с бейсбольной площадкой. Многие люди думают, что в таком месте ничего плохого произойти не может, но они ошибаются.

Район Арлен-Хайтс был совсем другим. Дома здесь стояли поодиночке, отступив подальше от извилистых улиц, которые словно нарочно оставили узкими и ухабистыми, чтобы место выглядело не так сказочно. Когда автобус подъехал к остановке, я увидела пожилого мужчину с собакой и женщину, идущую быстрым шагом, – и больше никого. Автобус уехал, и наступила тишина.

Я поправила на плече сумку и направилась к дому Гриров. Потом достала телефон и отправила сообщение Майклу.

«Иду брать интервью. Она ведь не собирается меня убить, правда?»

«Маловероятно, – ответил он. – Но я могу отследить твой телефон, если тебе так будет спокойнее».

Я задумалась. У меня было множество правил относительно встреч с незнакомыми мужчинами, но в данном случае речь шла о Бет Грир.

«Отлично, – написала я. – Она не Тед Банди². Мне так кажется. Кроме того, я должна тебе признаться. Если Бет Грир меня убьет, думаю, это будет не худший вариант».

Он тоже был склонен к черному юмору.

«По крайней мере, ты войдешь в историю. Я об этом позабочусь».

Мои пальцы зависли над экраном. Я должна была написать что-то еще, но не понимала, что именно. Что я не сумасшедшая? Конечно, у меня много странностей, и мне это известно. Может, я хотела сообщить ему правду о себе. Или мечтала услышать только: *«Ты пытаешься. Ты делаешь все, что можешь»*. Или действительно хотела убедить его, что Бет не собирается меня убивать.

В конце концов, ее же оправдали. При том что адвокат Бет сказал о своей подзащитной: *«Я узнаю чистое зло, едва вижу его»*.

Я нарушала все свои правила безопасности. Одна отправлялась в дом человека, обвиненного в убийстве. Для таких, как я, это верх безумия. А за поддержкой обратилась к Майклу, которого совсем не знала. Статистически у Майкла больше шансов оказаться Тедом Банди, чем у Бет.

Вот почему у тебя нет друзей, подумала я. Или настоящего возлюбленного.

В сумочке у меня лежал ксанакс, но я не стала его принимать. Мои мысли должны быть ясными. Ксанакс мне выписали, когда после развода у меня начались панические атаки. Иногда

² Тед Банди – американский серийный убийца, действовавший в 1970-е гг.

успокаивает само знание, что он у тебя есть, сказала врач, и я носила таблетки с собой – на случай, если ее теория верна.

Я повернула на подъездную дорожку к дому, разглядывая его. Что-то в нем меня неизменно завораживало. Наполовину псевдовикторианский, наполовину в стиле середины двадцатого века, безумное сочетание остроконечных фронтонов с желтым кирпичом, темным деревом и стеклом, он был уродлив – невероятно уродлив, – но притягивал взгляд, заставляя его следовать за всеми контурами и изгибами и каждый раз являя себя по-новому. Джулиан Грир, отец Бет, купил этот дом и перестроил его. И умер у себя на кухне, застреленный неизвестным грабителем.

Лужайка выглядела неряшливо, словно последнее время ее не стригли. Дом утопал в тени старых деревьев, ветви которых касались крыши и окон. На подъездной дорожке стояла единственная машина – дорогой «лексус», – и никаких признаков жизни не наблюдалось. Тишина словно обволакивала. Я подошла к двери и постучала.

Бет открыла сразу же. На ней были льняные брюки кремового цвета и темно-коричневая блузка, подчеркивавшая узкую талию. Стройная фигура и сочетание цветов из семидесятых на мгновение перенесли меня назад во времени, но потом я заметила седые пряди, а надо лбом – очки для чтения. Бет окинула меня испытующим взглядом:

– Входите.

Я последовала за ней. Через аккуратную прихожую мы прошли в гостиную – просторную комнату, занимавшую большую часть нижнего этажа. Я остановилась, с удивлением рассматривая обстановку.

Казалось, я очутилась внутри старого фотоальбома. Огромное помещение с окнами во всю заднюю стену, теперь задернутыми шторами. Все здесь оставалось таким же, каким было сорок лет назад: оливковый ковер на паркетном полу, низкий и плоский секционный диван с широкими подлокотниками, кофейный столик из твердого дерева со скошенными ножками. В книжном шкафу вдоль одной из стен я заметила давно забытые имена: Леон Юрис, Сидни Шелдон, Алекс Хейли, Жаклин Сюзанн. На приставных столиках были расставлены пепельницы, хотя пепла в них не было и дымом в комнате не пахло. Конические белые абажуры настольных ламп на керамических основаниях за прошедшие годы приобрели благородную желтизну. На полке за диваном лежала керамическая русалка с красными губами и синими тенями на веках; ее соски были целомудренно прикрыты ракушками. Рядом с ней стояла керамическая пастушка в кринолине, с посохом в руке и в сдвинутой на лоб шляпке.

За такой винтажный интерьер многие, не задумываясь, выложили бы не одну тысячу долларов; особняк Гриров сохранил аутентичность. Тут было чисто и опрятно, но все здесь осталось таким, каким было задолго до моего рождения.

– Думаю, немного света нам не помешает, – сказала Бет и направилась к задней стене.

Шторы были кремовые в темно-коричневый ромбик – еще одна винтажная деталь, полностью гармонирующая с одеждой Бет. На мгновение мне показалось, что передо мной мисс Хэвишем середины двадцатого века.

Оглядевшись, я увидела на комодке рядом с дверью стопку журналов. Сверху лежал номер «Лайф» за октябрь 1977 года. Тот самый месяц, когда произошли убийства, приписываемые Леди Киллер.

Шторы с шорохом раздвинулись, комната наполнилась светом. У меня перехватило дыхание. Окна выходили на ровную лужайку, нуждавшуюся в стрижке, как и та, что находилась перед домом. Это был пустой квадрат, с двух сторон обрамленный деревьями, дальний край резко обрывался – за ним было только темное, свинцовое небо и пустота. Обрыв на краю мира.

– Ненавижу этот вид, – сообщила Бет, – но все лучше, чем темнота за закрытыми шторами. Если хотите выпить, можете поискать себе что-нибудь на кухне.

– Нет, спасибо. – Я с трудом оторвала взгляд от окна.

Наверное, если выйти на лужайку, можно увидеть океан, но отсюда – только траву и небо. Я смотрела, как Бет берет бокал, в котором плавали кубики льда, и делает глоток.

– У вас нет машины, – сказала она, садясь на диван.

Должно быть, она видела, что я не припарковалась на подъездной дорожке.

– Я не вожу.

Бет слегка прищурилась – мой ответ прозвучал резче, чем мне хотелось, – но никак не отреагировала.

– Приступим. – Она снова взяла бокал. – С чего начнем?

Я села на стул на некотором расстоянии от нее. Мы обе еще не были готовы к близкому контакту.

– Это алкоголь? – спросила я. Возможно, потому, что вопрос о машине меня задел.

Большинство людей предполагают, что я не вожу машину из-за того, что меня лишили прав, поймав за рулем в нетрезвом виде, но это неправда. Эти частые намеки раздражали меня. Мне захотелось, чтобы Бет тоже понервничала.

Улыбка Бет вышла грустной.

– Увы, нет. Уже восемь лет. Спросив меня в 2009-м, вы получили бы другой ответ. И в 1997-м, и в 1984-м. Вероятно, это будет первой сенсацией для вашей статьи: Бет Грир периодически начинала пить с 1974 года. Завязывала, срывалась, снова завязывала.

– Это тяжело. Я вам сочувствую.

Она пожала плечами:

– В третий раз помогло. Прежде чем мы начнем, я должна сказать, что навела о вас справки.

– Прошу прощения? – Моя рука зависла над раскрытой сумкой.

– Я должна была убедиться, что вы та, за кого себя выдаете. По-видимому, это так. Вы назвали свое настоящее имя, и вы работаете в клинике пять лет. Хотелось быть уверенной, что вы настоящая, прежде чем впускать в дом.

Это выглядело почти смешно. Я переживала, что останусь наедине с Бет, но мне и в голову не приходило, что она точно так же боится находиться наедине со мной.

– Что еще вы выяснили?

Я думала о том, что случилось, когда мне было девять. Об «инциденте», как я его называла. Насколько мне известно, мое имя в газеты не попало.

Бет поставила бокал.

– Не слишком много. Я вас впустила. Если меня больше не увидят, то это осознанный риск. – Она посмотрела мне в лицо. – Обо мне вы думали то же самое, правда? Что я могу вас убить?

– Вас оправдали, – ответила я.

К моему удивлению, Бет рассмеялась. Смех вышел горьким, но в то же время искренним, и на мгновение я увидела молодую женщину, находившуюся в центре внимания журналистов несколько месяцев 1977 года. Убийца или нет, Бет Грир обладала харизмой, которая заставляла собеседника.

– Но вы не считаете меня невиновной?

Что я должна ответить? Нужно сказать правду. Все наше интервью – это выяснение правды.

– У меня куча вопросов. Я много читала о вашем деле, но у меня все равно такое чувство, как будто я вижу только малую часть.

– В таком случае вы проникательны, на что я и надеялась, – сказала Бет. – Первое, что вы должны запомнить: если на суде и было произнесено хоть слово правды, я этого не помню. В основе процесса – слухи и ложь. Вам известно, что они думали, будто я сплю с Рэнсомом?

– Я об этом читала. – Рэнсом Уэллс, адвокат Бет, был старше нее, имел семью, но это не имело значения. – Но никогда не верила.

Бет откинулась на спинку дивана. Она явно контролировала свои эмоции, но ее лицо оставалось жестким.

– Ходили слухи, что я трахаюсь со всеми подряд. В 1977 году, если у тебя были сиськи и задница, тебя считали шлюхой. А если ты злилась, всем было смешно. Я была предметом похабных шуток – для копов, для газет, для судьи. Всерьез они приняли меня только тогда, когда подумали, что я могу вышибить им мозги. Это был единственный раз, когда я их напугала.

Я смотрела на нее во все глаза, не в силах вымолвить ни слова. Кровь застучала в висках, на шее выступил пот. Ощущение было странным, но в то же время приятным. Бет Грир говорила мне правду. Удивительную и в то же время пугающую. Вот оно – то, чего я так хотела. Рядом с ним вся моя остальная жизнь поблекнет до неразличимости. Такого кайфа не даст ни один наркотик.

– Продолжайте, – попросила я.

Бет взяла бокал, и кубики льда в нем снова звякнули.

– Почему вы не водите машину? – спросила она вместо ответа. – Вы не пьете, как я, так что причина не в этом. Назовите мне настоящую.

Я не собиралась с ней откровенничать. Это был инстинкт – никому ничего не рассказывать. Эстер знала. Родители знали. И естественно, мой психотерапевт. Бывший муж слышал мою историю только один раз – через полгода после того, как мы начали встречаться. И больше никто. По крайней мере, от меня. Поэтому, начав говорить, я удивилась самой себе:

– Мне было девять. Я шла домой из школы. Рядом остановилась машина, и мужчина спросил, не замерзла ли я. Сказал, чтобы я села к нему. Что он отвезет меня к родителям. – Я не отрывала взгляда от Бет, которая внимательно смотрела на меня. – Я села в машину. А через несколько минут поняла: что-то не так. Попросила меня выпустить, но он отказался. Я стала умолять. Он меня ударил. Я начала бороться с ним и кричать. Он пытался прижать меня к сиденью и заставить замолчать, но ему нужно было вести машину. Когда он отвлекся и машина притормозила, я открыла дверцу, выпрыгнула и побежала. Я все рассказала родителям, и полиция нашла его и арестовала. Он выйдет через несколько месяцев, а я не вожу машину. С того дня в машине я не чувствую себя в безопасности. Я их ненавижу.

В моей голове раздавался рев, словно кто-то открыл люк космического корабля. Я была здесь и одновременно не здесь. Была всем и ничем.

Это был мой самый главный секрет – то, о чем я никому не рассказывала. Никогда. И вдруг только что выдала его Бет Грир.

Ее лицо осталось непроницаемым. Оно не сморщилось от жалости, чего я так боялась. Вид у нее был задумчивый, лицо не выражало никаких чувств – лицо женщины, которая не лезет в чужие дела, – и на мгновение у меня мелькнула безумная мысль: каким облегчением стала бы дружба с человеком, лишенным эмоций.

– Это конец истории? – спросила она.

Мои ладони взмокли, живот скрутило. Я испугалась, что меня стошнит.

– Да. Это конец истории.

Интересно, знает она, что я лгу?

Хотя кого я обманываю? Конечно, знает.

Глава 11

Сентябрь 2017

ШЕЙ

– Ладно, – сказала я, доставая сотовый телефон и включая запись. – Давайте поговорим об убийствах Леди Киллер.

– Давайте, – сухо ответила Бет.

– Думаю, нет смысла спрашивать, ваших ли это рук дело?

Она даже не моргнула. В безжалостном свете, падавшем из окна, ее высокие скулы и большие глаза выглядели особенно впечатляюще.

– Вы составите собственное мнение, – ответила она. – Как все.

Я окинула взглядом комнату: старомодные статуэтки, стены с панелями из дорогого темного дерева, старый постер с изображением скачущей лошади.

– Когда все произошло, вы жили здесь, – сказала я. – Одна.

Бет ждала. Она умела сохранять видимость безмятежности.

– Ваши родители умерли, и вы к тому времени уже два года жили тут одна.

– Это вопрос?

– Разве вам тут нравилось? – спросила я. – В этом доме?

Он давил. Тут было по-своему красиво, но гнетуще. Как в жилище покойника. Куда ни повернись, везде окна с холодным, безрадостным пейзажем, и, хотя в них проникал свет, мне хотелось попросить Бет снова задернуть шторы.

– Вероятно, дом обставляла ваша мать, – предположила я. – После ее смерти вы ничего не стали менять. Все осталось прежним.

Мой взгляд вернулся к Бет, и я увидела, что она пристально наблюдает за мной. Ее лицо оставалось непроницаемым.

– Меня об этом никогда не спрашивали. Все хотели знать лишь одно: я ли это сделала.

– Я просто не могу представить себе такого, – объяснила я. – Жить в доме родителей после их смерти... После всей этой трагедии. Почему вы не переехали?

Она посмотрела в окно.

– Легко сказать. Просто собери вещи и уезжай. Я говорила это себе тысячу раз. Но некоторые места так крепко держат тебя, что ты не можешь освободиться. Сжимают, будто в кулаке. – Она снова повернулась ко мне, и в ее глазах что-то блеснуло. – Иногда ты просто вязнешь. На много лет. Как вы с вашей дурацкой боязнью автомобилей.

Я открыла рот, собираясь возразить: *моя фобия вовсе не дурацкая*. Но сдержалась, почувствовав ловушку. Она пытается отвлечь меня? Если да, то от чего?

Я кашлянула.

– Наверное, трудно бросить дом, где жили родители.

Бет почти развеселилась, услышав эти слова, но я не понимала причины.

– Ваши родители умерли? – спросила она.

Я покачала головой:

– Нет, они во Флориде.

Уголки ее губ дрогнули в подобии улыбки.

– Стоит ли мне шутить насчет того, что это одно и то же?

– Думаю, нет.

– Тогда я воздержусь.

Она была очаровательна. По-настоящему. Судя по тому, что я читала, социопаты нередко бывают очаровательными. Нельзя забывать об этом.

– Что вы чувствовали тогда? – спросила я. – После смерти родителей и до убийств?

– Я словно онемела, – ответила Бет. – Мне было девятнадцать, когда погиб отец, и двадцать один, когда погибла мать. В 1977 году люди не ходили к психотерапевту, чтобы справиться с горем. Я была совершеннолетней и унаследовала кучу денег. Люди думали, что со мной все будет в порядке. Никто обо мне не заботился, а я о себе заботиться не умела. У меня были знакомые моего возраста, но я знала, что родителям они бы не понравились. Они начали приходить ко мне, а может, я сама их приглашала – не помню. Они заявлялись сюда, и мы пили. Или я шла на вечеринку, и мы пили. Никто меня не останавливал, а самой остановиться мне не приходило в голову. Я знала, что не хочу быть трезвой.

– Газеты писали, что вы развлекались, не испытывая вины.

– Еще бы! Я уже говорила вам, что у меня были сиськи и задница, и поэтому меня не считали человеком. Девушка, потерявшая родителей, не имеет права опуститься только потому, что не может справиться с горем. Проще написать, что она шлюха. Это увеличивает тиражи. И копы туда же – все они считали, что раз я пью и развлекаюсь, значит, я порочная. Будь я женщиной, они бы мне посочувствовали. И даже составили компанию.

– И детектив Блэк? – спросила я.

Детектив Джошуа Блэк был одним из двух следователей, занимавшихся делом Леди Киллер, и в полиции он прослужил еще тридцать лет. Я видела десятки его фотографий того времени: молодой, темноволосый, костюмы с широкими лацканами, широкие полосатые галстуки и серьезное выражение лица, когда он смотрел в камеру. Признаться, он выглядел довольно сексуально. Я знала, что Блэк по-прежнему живет в Клэр-Лейке, хотя уже вышел в отставку. Его напарник в расследовании дела Леди Киллер, детектив Мелвин Вашингтон, умер в 1980-м. Мне не повезло – я ни разу не говорила с детективом Блэком и мне не удалось достать копии дела Леди Киллер. По сообщению полиции Клэр-Лейка, дело не закрыто, а значит, его материалы не подлежат разглашению.

– Блэк был копом, – сказала Бет. – И остается им, хотя делает вид, что вышел на пенсию. Он всегда был слишком любопытен, себе во вред.

– Мне кажется, копам положено быть любопытными. – Я думала о Майкле.

– Когда их любопытство направлено на тебя – это совсем другое, – возразила Бет. – Например, когда вы сидите в холодном полицейском участке, а куча мужиков расспрашивают вас о сексе. Кстати, мне не о чем было рассказывать, потому что никакого секса у меня не было. Я знаю, существует мнение, что в семидесятые все только и делали, что трахались, но я должна была соблюдать осторожность. Я боялась, что закончу как мать.

– Что это значит? – Я почти ничего не знала о матери Бет. – Почему вы боялись закончить как ваша мать?

Бет подняла бокал и осушила его. Может, я придумываю, но мне показалось, что она тянет время – возможно, пожалев о своих словах.

– Мать не хотела выходить замуж, – наконец сказала она. – Но это было в пятидесятых, а ее родители были богаты. Они рассчитывали на достойную партию для нее. Она познакомилась с моим отцом, и все. Больше похоже на коммерческую сделку. Год спустя родилась я. Она оказалась в ловушке.

Я вглядывалась в лицо Бет. В нем проступила тщательно скрываемая боль. Непритворная, показалось мне. И еще показалось, что больше ей не хочется об этом говорить.

– Где у вас туалет? – спросила я, решив, что нам обоим необходим перерыв.

– По коридору, потом направо. – Бет подняла голову, и ее взгляд переместился куда-то мне за спину. Глаза ее на секунду стали совсем пустыми.

Интересно, о чем она думает, гадала я.

Потом она снова посмотрела на меня и взяла бокал.

– Пожалуйста, сделайте мне коктейль на кухне. Грейпфрутовый сок, содовая и лед.

Ее тон – я богата, и люди выполняют мои просьбы – должен был вызвать у меня раздражение. Но мне даже в голову не пришло возразить ей. Я взяла у нее бокал и встала.

Взгляд Бет снова переместился мне за спину, и у меня возникло странное ощущение, что там кто-то есть. Я повернулась – никого. Только массивная мебель, холодный свет из окон и старый постер на стене рядом с дверью в коридор. Я вышла из гостиной.

В ванной оказался пол из бежевой плитки, массивная раковина и краны, инкрустированные бирюзой. Все безупречно чистое, ни пятнышка. Я посмотрела на себя в зеркало, тоже обрамленное бирюзой. Выглядела я как обычно. Меня тянуло заглянуть в шкафчик с лекарствами позади зеркала, но я не стала этого делать. Вытерла руки, вышла из ванной и направилась в кухню.

Кухня тоже осталась с семидесятых и, подобно ванной, была безупречно чиста. Голубые шкафчики, темно-коричневые рабочие поверхности. На полу – ламинат кремового цвета. Окна над раковиной, в боковой стене дома, выходили на заросли деревьев. Отсюда не было видно ни бескрайних просторов, ни океана, ни дороги. Только густые деревья, словно ты посреди лесной чащи. Я поставила бокал на стол и вдруг сообразила, что именно здесь убили отца Бет: прислуга нашла его тело, когда пришла убирать.

Сзади послышался звук, и по спине у меня пробежал холодок.

Скрип, потом звук льющейся воды. Кто-то открыл кран.

Может, это Бет в ванной, подумала я, хотя не слышала, чтобы она вставала и шла за мной. Я вернулась к двери и выглянула в коридор.

Дверь ванной была открыта, и оттуда доносился шум льющейся воды. Я вышла в коридор и посмотрела. Вода действительно текла в раковину из обоих открытых кранов. Но там никого не было.

– Бет? – окликнула я.

– Вы сделали мне напиток? – Голос Бет доносился из гостиной.

Я не открывала кранов, она тоже.

Собравшись с духом, я быстро вошла в ванную, выключила воду и вернулась на кухню. Потом открыла холодильник, налила в бокал грейпфрутовый сок, добавила содовую, достала из морозилки лед. Продуктов в холодильнике почти не было – только несколько коробок с полуфабрикатами и едой на вынос. Ни вина, ни другого алкоголя. Вероятно, холодильник был отрегулирован на максимальный холод, потому что я вздрогнула от потока ледяного воздуха – казалось, он пронизывает меня насквозь, до самой спины. Пальцы были холодными, непослушными, но я старалась как можно быстрее смешать коктейль для Бет.

Закончив, я закрыла холодильник, взяла бокал и повернулась. Сердце замерло у меня в груди.

Все дверцы шкафов за моей спиной были распахнуты. Четыре дверцы над кухонной рабочей поверхностью, которые точно были закрыты, когда я входила. И еще четыре внизу. Все открыты одинаково, под одним и тем же углом – словно солдаты на плацу. Ни звука, ни какого-либо движения.

Это не Бет. И не я. И не какой-то другой человек.

На меня снова повеяло холодом – похоже на сквозняк. Как будто где-то оставили открытым окно. Но почему воздух такой холодный? На улице явно теплее. Однако сквозняк был вполне явственным, он шевелил пряди волос, выбившиеся из хвоста на затылке.

Краны в ванной снова открылись. Я замерла, прислушиваясь и совсем забыв о бокале в руке; сердце бешено колотилось. На мгновение мне показалось, что я вернулась в семидесятые, когда дом был полон жизни. Что я выйду из этой кухни и попаду совсем в другой мир, где едят салаты-желе, а по телевизору идет сериал «Уолтоны».

Вот только дом этот не располагал к сентиментальной ностальгии. Здесь убили человека. Прямо на том месте, где теперь стояла я.

Я поставила бокал на стол и вернулась в ванную, механически переставляя ноги, почти уверенная, что увижу там Бет – подростка Бет, юную и стройную, в футболке и джинсах с вышивкой на карманах, с падающими на спину волосами. Но, как и в прошлый раз, ванная была пуста.

Едва я взялась за кран, в раковину хлынула кровь. Она смешивалась с водой и стекала в слив. Я отдернула руку. Она не кровоточила. Тем не менее кровь продолжала течь, как будто кто-то лил ее в раковину или мыл окровавленные руки. Затылком я снова почувствовала дуновение холодного воздуха, а от неприятного металлического запаха меня чуть не вырвало.

Поспешно закрыв краны, я прошла на кухню, онемевшими пальцами схватила бокал с напитком для Бет и вернулась в гостиную. Бет по-прежнему сидела на диване, ждала.

– Вы в порядке? – Она с любопытством посмотрела на меня.

– Да. – Я старалась не думать о том, что только что видела. В гостиной было душно – ни намек на сквозняк. Я протянула Бет напиток. – Этот дом...

– Ужасен, я знаю. – Бет взяла бокал и поставила рядом с собой. – Продолжим. О чем еще вы хотите меня спросить?

Мой телефон по-прежнему лежал на столе. Выходя из комнаты, я не остановила запись. Взяв телефон, я увидела, что он поставлен на паузу.

– Это вы остановили? – спросила я.

– Нет, – ответила Бет. Она внимательно посмотрела на меня. Лицо ее оставалось невозмутимым. – Вы какая-то бледная, Шей. Что случилось?

Глава 12

Октябрь 1977

БЕТ

Должно быть, вилла стоит кучу денег, думала Бет. Отец не скупился, когда перестраивал ее. Мать купила дорогую мебель и декор. Дом должен был стать самым красивым в городе.

Наверное, его нужно сжечь, решила Бет.

В то утро весь район Арлен-Хайтс выглядел гнетущим и мрачным; дождь поливал нарочито неухоженные улицы. Накануне состоялся допрос в полиции. С тех пор Бет не выходила из машины, проведя все эти часы за рулем. Искала, искала. Она почти не спала, и, хотя была трезвой, голова раскалывалась, как с похмелья. Возвращаться домой не хотелось.

Просто не теряй контроль, Бет. Ты справишься. Просто не теряй контроль.

Наконец она решила все-таки вернуться домой и попробовать заснуть. Вздвинутая, она не могла усидеть на месте. Но когда впереди показался дом, сердце замерло. На подъездной дорожке стоял «шевроле» модели шестидесятых – большой, как грузовик. Эту машину она узнала бы где угодно. Но припаркованная на улице перед домом была ей неизвестна. Когда она остановилась позади «шевроле», из микроавтобуса выскочил мужчина с микрофоном в руке. За ним последовал другой, с камерой на плече.

Теперь она уже не нервничала. Ее охватил гнев.

Он был ледяной. В отличие от гнева родителей, который достигал огненного накала, особенно когда они кричали друг на друга. Тогда оба высказывали из дома и уезжали, оставляя Бет одну, и в доме становилось тихо и холодно. Она рано поняла, какую разновидность из этих двух она предпочитает. Холодный гнев позволял не терять самоконтроля, он давал спокойствие и помогал добиваться цели.

– Мисс Грир!

Она открыла дверцу и вышла из машины, а репортер бежал к ней по дорожке. Оператор спешил за ним, но его движения сковывал провод камеры.

– Мисс Грир! Что вы можете сказать по поводу выдвинутых против вас обвинений в убийстве? Это вы – Леди Киллер?

Бет захлопнула дверцу и сунула руки в карманы, потому что не могла придумать, что еще с ними делать. Возможно, оставив руки свободными, она залепила бы мужчине пощечину, прямо на камеру. Такую же ярость она испытывала во время допроса в полиции, но на этот раз усилием воли сдержала ее и не выпустила наружу.

Камера смотрела прямо на нее – большая громоздкая штуковина с огромным объективом, ошестинившаяся проводами. Репортер направил микрофон ей в лицо. Бет наклонилась к нему и произнесла:

– Я просто девушка, которая не лезет в чужие дела.

Потом она отвернулась и пошла по дорожке, туда, куда за ней не могла последовать камера. Обогнула дом и оказалась на заднем дворе, где ее ждал Рэнсом.

Находиться в доме он не мог. Рэнсом Уэллс этого не говорил, но, как и Бет, терпеть его не мог. Она прошла между деревьями, с листьев которых капала вода, и оказалась на плоской лужайке над обрывом. Ровная зеленая трава, бурный темно-синий океан вдали и кружащиеся в небе птицы. Ее пробирала дрожь. Дождь немного стих, но холодно здесь было всегда, в любое время года.

На лужайке стоял высокий мужчина с широкими плечами и мощным торсом. Волосы и бороду тронула седина, хотя ему не было и сорока. В костюме и плаще. Дождь он игнорировал – как и большинство уроженцев Клэр-Лейка. Выглядел Рэнсом точно так же, как во время их последней встречи – после смерти матери, два года назад.

В тот раз он заявил, что Бет нанимает его, хочет она того или нет.

«Мне не нужен адвокат», – ответила она.

«Вы молоды, красивы, а в данный момент одиноки и очень богаты. Дорогуша, больше всего на свете вам нужен адвокат».

– Рэнсом, – сказала она, шагая к нему по траве. – Что вы здесь делаете?

Он не отвечал, пока она не подошла к нему вплотную.

– Красивый вид, – сказал он. – Ваш отец его очень любил.

Бет ждала. Под мышкой у Рэнсома была зажата газета, уже успевшая намокнуть. Бет заправила за ухо выбившуюся прядь, чувствуя, как злость на репортера постепенно проходит. Когда Рэнсом хотел что-то сказать, он сам выбирал удобный момент, и никакая сила на свете не могла заставить его поторопиться.

Наконец Рэнсом снова заговорил:

– Я познакомился с вашим отцом, когда он позвонил мне, чтобы отбиться от обвинения в управлении автомобилем в нетрезвом виде. Вы об этом знали? Не самая приятная ситуация. – Сдвинув брови, Рэнсом смотрел на океан, – не красавец, но было в нем что-то притягательное. – Думаю, тогда он мне не понравился, но я ему помог. Добился оправдания, потому что я профессионал и потому что так устроен мир. Я каждый день оплакиваю его смерть. В буквальном смысле. И сегодня озадачен не меньше, чем вы.

Бет сглотнула и перевела взгляд на деревья. Отец был сложным человеком – несчастным, иногда раздражительным. В каком-то смысле он тоже оказался в ловушке, как и мать. Бет много лет ненавидела его – за пьяные скандалы, за свое одиночество в Рождество. И до сих пор не избавилась от этого чувства.

Но при этом она его любила. С мрачным упорством дочери верила, что именно она сделает его счастливым. Не сделала. И не могла. Переделать отца было невозможно.

Повернувшись, она увидела, что Рэнсом смотрит на нее. Он был адвокатом отца, потом матери, а теперь стал ее адвокатом. Он был привычным, как предметы домашней обстановки. Она знала, что у него есть жена, которая часто от него уходит, – но всегда возвращается, – и трое детей. Что он любит стейк и ненавидит сигареты, утверждая, что от их дыма его тошнит. Бет не видела его два года, но не сомневалось, что все это по-прежнему так.

– Вам нужен адвокат, – сказал он.

– Нет, не нужен.

Рэнсом вытащил из-под мышки газету и протянул ей.

Бет нехотя взяла газету и раскрыла. Это был утренний выпуск «Клэр-Лейк дейли», только что из типографии, в каплях дождя. На первой полосе – заголовок крупными буквами: «У ПОЛИЦИИ ПОЯВИЛСЯ ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ В ДЕЛЕ ЛЕДИ КИЛЛЕР?» Ниже фотография Бет, сделанная в тот момент, когда она вчера выходила из полицейского участка после допроса. Мужчина, стоявший на улице с фотоаппаратом, застал ее врасплох – бледную, мрачную, со взглядом, полным ненависти. На этой фотографии Бет и сама видела убийцу. Игра света, определенный ракурс и неожиданность исказили черты лица, развеяв сомнения в ее виновности.

Наверное, и сегодня, снятая на камеру, она тоже выглядит виновной. Это подольет масла в огонь.

Бет снова посмотрела на заголовок. Слова расплывались перед глазами. Теперь все пошло в движение, ускорилось, словно покатилося с горы. И она ничего не контролирует.

– Вы мне можете что-нибудь рассказать, Бет? – голос Рэнсома пробился сквозь туман гнева и паники.

– Они думают, что это я, – ответила Бет, потому что не могла рассказать Рэнсому правду. Кое-что он знал и так, поскольку так долго пробыл семейным адвокатом, что успел выве-
дать не один тщательно оберегаемый секрет. Но были и другие секреты, опасные даже для Рэнсома.

– Я имею в виду полицию. Они думают, что тех мужчин убила я.

– Тем не менее вас пока не арестовали, – спокойно заметил Рэнсом. – Значит, они не уверены. В ходе следствия копы будут давить на вас изо всех сил. Они надеются, что вы под-
дадитесь, испугаетесь, расплачетесь и расколется. Они ищут слабые места. Но что-то подска-
зывает мне, что напрасно.

Бет сложила газету, не в силах больше смотреть на слова заголовка и на свое фото с лицом
убийцы. Все считают ее виновной. Что ж, она может сыграть эту роль.

– Я ничего им не сказала, потому что ничего не знаю.

Рэнсом неодобрительно поцокал языком.

– Вы не должны были разговаривать с ними без меня. Всегда сначала звоните адвокату,
Бет. Но это не имеет значения. Что бы вы ни сказали, я поставлю это под сомнение, так что
никто не будет уверен, говорили ли вы это вообще. Что вы можете сообщить мне о копах? Мы
имеем дело с компетентными людьми?

Бет не приходило в голову, что и она может извлечь информацию из допроса. Может,
пора начинать мыслить как преступник.

– Да, – ответила она. – Они оба знают свое дело. Блэк младше, но почему-то командует.
Не позволил другому курить во время допроса.

– Компетентный праведник. Опасное сочетание. Буду иметь в виду.

– Вы мне не нужны.

Ей никто не нужен. Довериться она не может никому. Даже теперь, когда все летит к
черту.

Рэнсом и бровью не повел.

– Нет, нужен. Где вы находились в те вечера, когда были совершены убийства?

– Дома.

– С вами кто-то был?

Бет покачала головой.

– Вас не было дома, когда я приехал.

– Я каталась по окрестностям.

– Одна?

– Да.

Она занималась поисками. Но рассказывать об этом Рэнсому не собиралась.

– Мы этим займемся. Поймем, что вы должны отвечать им. И когда. А когда лучше мол-
чать – это предпочтительнее в большинстве случаев. Расскажите мне все, что они спрашивали
и что вы отвечали. Все, что они вам сообщили.

Бет подчинилась. Она без особого труда вспомнила каждое сказанное слово. Потому что
с тех пор, как вышла из полицейского участка, думала только об этом.

Рэнсом внимательно ее выслушал.

– Могло быть и хуже, а могло и лучше. Теперь у вас есть я. Сколько денег у вас осталось
от наследства, полученного от родителей?

– Почти все.

– Хорошо, потому что мне нужен помощник. – Он вел себя так, словно Бет ни о каком
другом адвокате, кроме него, даже не задумывалась. Что вообще-то было правдой. – Вы смо-
жете выпутаться из этой истории, Бет. Но это громкое дело, и, нравится вам это или нет, вы
молодая женщина, привлекающая к себе внимание. Будет неприятно.

– Знаю.

Два года. Два года она... что? Пила, якшалась с подозрительными людьми. Спала наяву, думая, что после смерти матери ничего хуже в ее жизни уже не случится. Думая, что худшее позади.

Все это ее вина.

Она знала, что ее жизнь кончена. И чувствовала некоторое облегчение, потому что ей не слишком нравилась собственная жизнь. Но то, что ждало впереди, выглядело ничуть не лучше.

– Вы рассказали полиции о своей матери? – спросил Рэнсом. – Ее историю?

Бет похолодела. Этой темы никто не касался уже не один год.

– Нет. Конечно нет.

– Я думал, все улажено. – Рэнсом перевел взгляд на океан. – Но, возможно, ошибался. Могу навести справки.

– Не утруждайтесь, – сказала Бет.

Похоже, Рэнсом обиделся. Тем не менее он кивнул. Оба думали об одном и том же, вспоминали прошлое.

Вы считаете меня убийцей? Бет хотела задать ему этот вопрос, но сдержалась. Это была секундная слабость. *Скажите это. Скажите, что не верите, что я убила тех мужчин. Пожалуйста.* Но она не дождалась этих слов от Рэнсома и сказала:

– Я выдержу.

Рэнсом взял у нее газету и снова сунул под мышку.

– Я никогда не понимал мотивов Марианы. Должно быть, для нее это был единственно возможный выбор. Но теперь ее нет, и мы должны разбираться с последствиями. – Он посмотрел на Бет. – Буду откровенен. Потому что сейчас самое время для откровенности. Могу ли я поверить, что это сделали вы? Просто посмотреть на вас и сказать, что вы убили тех мужчин? Да, я могу в это поверить. Легко. И это хорошо, потому что я сумею понять точку зрения тех, кто считает вас виновной. Суд над вами должен быть справедливым.

Ветер жалил лицо Бет, заползал за ворот. Она посмотрела на океан.

– Тут умер Джулиан, – произнес Рэнсом. – Временами я смотрю на дом и вижу его – как он идет по коридору или выходит из двери. И Мариану тоже вижу. Если бы я верил в привидения – а я в них не верю, – то считал бы, что они по-прежнему здесь. Именно поэтому я не могу заставить себя войти внутрь. Лучше буду стоять снаружи, под дождем. Но это не меняет того факта, что они мертвы, а их дочь жива. Не меняет того факта, что я не позволю шакалам сожрать вас, Бет.

Бет сглотнула.

– Вытащите меня из этого, – попросила она. – Не только ради меня. Вытащите меня, и я сумею похоронить призраков.

Рэнсом помолчал, потом кивнул:

– Отлично. Я попытаюсь.

Глава 13

Сентябрь 2017

ШЕЙ

– Телекинез, – сказала я.

– Что? – Майкл мне явно не верил.

– Телекинез, – повторила я. – Способность человека перемещать физические объекты силой мысли. Исследователи утверждают, что он может быть как намеренным, так и неосознанным, обусловленным сильными эмоциями или стрессом. Говорят, некоторые люди способны к телекинезу даже во сне, когда они не осознают, что делают. Человек спит и во сне двигает предметы.

Майкл покашлял. Я ехала в автобусе, но он был почти пуст, а я сидела сзади, так что слышать мой безумный рассказ никто не мог.

– Шей, ты хочешь сказать, что Бет Грир не только серийная убийца, но и медиум?

– Речь о *вероятности*, – ответила я. – Я посмотрела научные работы, и...

– Что еще за научные работы? Вся эта теория – нагромождение чуши.

Конечно, Майкл не мог думать иначе. Он бывший коп. В глубине души я тоже считала это чушью – я никогда не верила в медиумов, призраков, одержимость демонами и другие подобные вещи. И тем не менее.

– Я видела то, что видела. Краны поворачивались сами собой, дверцы шкафчиков открывались.

Телекинез не объяснял кровь, которая появилась в раковине, о чем я не рассказала Майклу. Но и этому должно найтись объяснение. *Обязательно.*

– Дом старый, – сказал Майкл. – Водопроводные трубы у меня в квартире по ночам издают странные звуки, похожие на стоны, но в этом нет ничего сверхъестественного. Просто ржавые трубы.

Стало быть, Майкл живет в квартире. Я этого не знала. После того как он упомянул о разводе, я гадала, где он живет: в квартире или в их общем доме, если он у них был.

– Это были не трубы. Краны *поворачивались*.

– В любом случае это не телекинез, – настаивал Майкл. – Может, Бет пыталась тебя отвлечь.

Я удивленно заморгала; тем временем автобус повернул к центру.

– Думаешь, Бет нарочно разыграла для меня представление?

– Почему бы и нет? Это ее дом. За сорок лет можно установить столько переключателей и рычажков, сколько захочется. Ты имеешь дело со лгуньей, Шей. Пожалуйста, не забывай об этом.

Я закрыла глаза, чувствуя, как в моем мозгу идет борьба. С одной стороны, я совершенно не верила в призраков и сверхъестественное. Просыпаться по ночам меня заставляло обычное, земное зло.

С другой стороны, поверить, что это был хитрый фокус, – значит поверить в странное, психопатическое желание Бет Грир обмануть меня. Но в такое – себе я могла в этом признаться – мне верить не хотелось.

Не хотелось верить, что она лгунья, не хотелось верить, что она серийная убийца. Но именно это Бет и было нужно.

– Если хочешь, я могу съездить туда и посмотреть, – предложил Майкл.

– Нет.

– Ты так говоришь потому, что не хочешь обращаться за помощью к мужчине?

– Вовсе нет. – Он угадал. – Мы с Бет только начали беседовать. Если я приведу кого-то для осмотра ее дома, того, кто будет искать рычажки, она перестанет со мной разговаривать.

– Разумеется, – сказал Майкл. – Кнут и пряник. Это ей только на руку.

Я снова представила Майкла старомодным сыщиком, сидящим на скамейке в парке и с напускной беззаботностью наблюдающим за объектом. Раскрыв газету, он время от времени из-за нее выглядывает. В водолазке – он виделся мне в водолазке. Темно-коричневой, поверх нее блейзер. Картинка была до того яркая, что казалась подлинной.

– До сих пор Бет выполняла обещания, – возразила я. – Прямо сейчас я еду брать интервью у детектива Джошуа Блэка.

– По крайней мере, я могу не волноваться за тебя, пока ты с ним, – сказал Майкл. – Честно говоря, я тебе завидую. В полиции Клэр-Лейка Блэка считают легендой. Он вышел в отставку много лет назад, но его до сих пор вспоминают. Он отправил за решетку множество воров и насильников, раскрыл все громкие убийства в городе. А его расследование убийства Шерри Хейнс – настоящий учебник по ловле преступников.

Мне вдруг стало холодно, голова закружилась. В ушах гремели удары сердца. Я молча сжимала в руке телефон.

– Шей? – забеспокоился Майкл. – Ты здесь?

– Да, – с трудом выдавила я. – Он работал... Он работал над тем делом? Я не знала.

– Конечно, – подтвердил Майкл. – В Клэр-Лейке не так много следователей и не так много убивают. Тем более детей. У тебя странный голос. С тобой все в порядке?

– Все нормально. – Я посмотрела в окно, увидела причалы и воду. – Моя остановка. Мне пора.

Облажалась, подумала я, выходя из автобуса и вдыхая холодный соленый запах океана. Наверное, Майкл решил, что я чокнулась. Ладно, не привыкать. Нужно выбросить это из головы и сосредоточиться на интервью с Джошуа Блэком.

Блэк жил в одном из плавучих домов у причала в центре города. Я брела по деревянному настилу, ориентируясь на таблички с вычурными названиями, вроде Океанской трассы и авеню Морской Воды. Лодка Блэка была нарядной и чистенькой, но без наворотов. Жилище одинокого мужчины.

Я постучала в дверь, и он тут же открыл. Блэку было уже за семьдесят, но я без труда узнала в нем красивого мужчину, которого видела на фотографиях. Те же высокие скулы и темные глаза, только волосы стали белыми. И лицо немного изменилось. Похудело, черты заострились. Но это его нисколько не портило.

Глядя на него, я пыталась вспомнить, был ли детектив Блэк среди множества тех, кого я видела, когда мне было девять – после того, как сбежала из машины насильника. Если он руководил расследованием моего дела, значит, меня должны были приводить к нему для беседы. Но тогда все тонуло в тумане страха, а за первые дни и недели после попытки похищения я видела слишком много незнакомых лиц – полицейских, врачей, психологов, социальных работников. Оглушенная происходящим, я снова рассказывала свою историю, садилась в машину с родителями и ехала в очередной кабинет. Я не знала, с кем разговариваю, и почти не задавала вопросов. Мне хотелось одного: чтобы все поскорее закончилось.

И все-таки мы с детективом Блэком наверняка встречались двадцать лет назад, наверняка он был одним из тех, кто беседовал со мной, и я рассказала ему свою историю. И ему наверняка знакома моя фамилия, потому что я ее не меняла. Впрочем, он мог и забыть, дело давнее. Но, посмотрев в его глаза, я поняла: ничего он не забыл.

– Шей Коллинз? – Он протянул руку, и я пожала ее. – Рад снова вас видеть.

Дыхание у меня перехватило, во рту пересохло, язык прилип к нёбу.

– Я вас не помню, – с трудом выдавила я. – Совсем.

– Я и не предполагал, что помните. – Он отступил от двери. – Входите.

Внутри дом оказался маленьким и аккуратным, настоящее логово холостяка. Диван, телевизор, кофейный столик – скорее всего, служивший и обеденным столом. Слева – кухонный уголок и перегородка, вероятно отделяющая спальню. В иллюминаторе над кухонной раковиной я видела только воду.

– Садитесь. – Блэк указал на диван.

Я села, подумав, что подчиняюсь потому, что считаю его копом. Копом, который расследовал – и раскрыл – дело Шерри Хейнс. Этот человек когда-то меня допрашивал. Я сунула ладони между коленями.

– Хотите что-нибудь? – спросил Блэк, направляясь к кухне.

– Нет, спасибо.

– Давайте с самого начала внесем ясность. – У него был непринужденный тон человека, который сотни раз допрашивал незнакомых людей, в большинстве своем настроенных враждебно. Он налил воду в стакан. – Я помню вас по делу Шерри Хейнс, но сегодня мы будем говорить не о нем.

– Не о нем, – сказала я.

– Понимаю. Вы хотите поговорить о деле Леди Киллер. Кажется, вы уже просили об интервью. Примерно год назад.

Я кивнула:

– Я блогер. Но это не основное мое занятие. Хобби.

Я умолкла, внезапно осознав, что в кои-то веки говорю с человеком, которому не нужно объяснять мою одержимость преступлениями. Если кто меня и поймет, то это детектив Джошуа Блэк.

Блэк повернулся ко мне, держа в руке стакан.

– Я вспомнил ваше имя, когда вы впервые ко мне обратились, – напрямик заявил он, – но дал себе слово ни с кем это дело не обсуждать. Однако теперь Бет сама попросила меня встретиться с вами, а я слишком любопытен, чтобы отказываться.

Я совершенно растерялась.

– Вы общаетесь с Бет. – Это был не вопрос, а констатация.

Детектив Блэк прислонился к крошечному кухонному столу.

– Мы живем в одном городе. Прожили тут всю жизнь. Клэр-Лейк – город маленький.

– То есть вы с ней дружите, несмотря на то, что расследовали ее дело и обвинили в убийстве.

Он рассмеялся, хотя веселости в его смехе я не услышала. А уловила сложную и непонятную для меня смесь чувств.

– Мы не друзья. – Он махнул в сторону иллюминатора на кухне. – Вы знаете, что изначально эти плавучие дома поставили здесь бездомные?

– Прошу прощения? – Я захлопала глазами.

– Трудно поверить, да? – Он улыбнулся. – В начале шестидесятых город запланировал построить у озера индивидуальные коттеджи, на одну семью. А чтобы освободить место для стройки, решили снести стоявшие тут муниципальные многоквартирные дома. Не встретив сопротивления, власти выселили больше двухсот человек, которым нужно было где-то жить. Кто-то умный сообразил, что списанную лодку можно купить гораздо дешевле, чем дом, а городские законы ставить плавучие дома у причала не запрещали. Поэтому многие из лишившихся крова купили старые лодки, поставили на якорь и стали в них жить.

– Готова поспорить, городские власти были в восторге.

Блэк снова улыбнулся.

– Они были в восторге, но ничего не могли поделать. Закон есть закон. С тех пор район облагородили, теперь тут живут люди свободных профессий и пенсионеры вроде меня. Но

первые лодки принадлежали беднякам, людям, которым больше некуда было податься. – Он покачал головой. – Полагаю, вас не слишком интересует мой экскурс в историю Клэр-Лейка.

– Нет, мне интересно. – Это была правда. Я достала телефон. – Вы не возражаете, если я запишу нашу беседу?

– Значит, в этот раз записывать буду не я, а меня. – Детектив Блэк как будто развеселился. – Ладно, не возражаю.

Я положила телефон рядом, надеясь, что он запишет голос Блэка, стоящего в нескольких футах от меня. Не могла же я предложить ему сесть в его собственном доме, а вставать и приближаться к нему мне не хотелось. Но Блэк проработал в полиции тридцать пять лет, и я поняла, что позицию он выбрал сознательно.

Он хотел меня разозлить, и я не осталась в долгу.

– Я была бы не прочь получить доступ к оригинальным записям допросов Леди Киллер, если вы не возражаете.

– Расшифровки утекли в интернет.

Ловко.

– Только фрагменты. Не полные записи.

– Верно, но эти фрагменты вполне информативны.

– Это вы так считаете, – возразила я. – Полные записи позволили бы лучше представить ваш метод ведения допроса.

– Вы имеете в виду – мой и детектива Вашингтона.

Я кивнула:

– Жаль, что поговорить и с ним я уже не смогу.

Он мрачно посмотрел на меня.

– Для этого вам пришлось бы совершить путешествие во времени, в начало семидесятых. – Судя по его тону, Вашингтона он недолюбливал.

– Расскажите, как вы начали работать вместе.

Брови Блэка поползли вверх.

– Вы меня разогреваете, – заключил он. – Заставляете говорить, прежде чем спросить о том, что на самом деле хотите знать. Старый прием. Вы забыли, что имеете дело с человеком, который сам использовал его много раз.

Боже правый, неужели с каждым человеком, связанным с этим делом, будет так трудно?

– Я могу сидеть тут хоть целый день.

Ответом мне была тень улыбки.

– Теперь я понимаю, почему вы понравились Бет. Ладно. С Вашингтоном я познакомился на следующий день после того, как Томас Армстронг получил две пули в лицо. Я был единственным детективом в Клэр-Лейке, и мне еще не приходилось расследовать убийства. Убивали тут редко. В основном я занимался нападениями, ограблениями и изнасилованиями. Мне был всего тридцать один год.

– Значит, полиция Клэр-Лейка обратилась за помощью к полиции штата.

Блэк кивнул.

– Вашингтон был следователем в полиции штата. Он тоже никогда не сталкивался с таким делом, как убийство Армстронга, хотя был опытнее меня. Убийство выглядело случайным, но случайные убийства – дело прошлое. Нас смутила записка.

Я кивнула. *Я горькая или сладкая? Женищина может быть и той и другой. Опубликуйте это, или последует продолжение.* Все, кто интересовался этим убийством, знали записку наизусть.

– И что, по вашему с Вашингтоном мнению, означала эта записка?

Взгляд Блэка теперь был устремлен куда-то вдаль. Он вспоминал.

– Зодиак совершал свои преступления в Сан-Франциско. Убивал случайных людей и присылал записки в газеты. То есть нечто подобное мы уже видели. Но записка в деле Леди Киллер была написана женской рукой, круглым наклонным почерком с завитушками – графологи утверждали, что мужчина такое написать не мог. Убийство Армстронга было безжалостным и отличалось особой жестокостью. Тот, кто его убил, смотрел ему в глаза и выстрелил в лицо. Женщины обычно так не делают.

– Вы хотите сказать, что оружие женщин – яд? – процитировала я расхожее клише. – Дайан Даунс стреляла в своих троих детей в упор, а затем медленно ехала в больницу, надеясь, что они истекут кровью.

– Это было несколькими годами позже, – сказал Блэк. – Мы знали, что в Вашингтоне Банди убивал студентов колледжа, а в Калифорнии тем же самым занимался Эд Кемпер. Оба настоящие чудовища, но они были мужчинами. Сами мы с таким никогда не сталкивались.

Я кивнула. Каждый, кто увлекается криминальной документалистикой, знает, что семидесятые были особенно богаты на жестоких серийных убийц. Прочитав достаточно материалов подобного жанра, начинаешь думать, что быть молодой женщиной в те времена было довольно опасно. И удивляешься, что кто-то из девушек, голосовавших на обочине, вообще остался жив.

– Что же произошло? – спросила я.

– Мы передали записку в прессу, – сказал Блэк. – Не могли рисковать. С Зодиаком и это не помогло – тогда публиковали все, что он требовал, а он продолжал убивать. Но у нас были связаны руки. В кулуарах шли жаркие споры. Половина копов считала, что записка – отвлекающий маневр и мы имеем дело с мужчиной. Другая половина думала, что убийца, скорее всего, какая-нибудь любовница Армстронга, хотя мы не нашли ни единой. Никто не предполагал того, с чем мы имели дело в реальности.

– А именно?

– С женщиной – серийной убийцей в чистом виде. – Блэк поставил стакан с водой на стол и смотрел на него невидящим взглядом. – Не передать, каким тяжелым было для нас то расследование. Собственно, и остается. У нас не было ни дополнительной информации, ни понимания, с чем мы имеем дело, мы не знали, чего ждать. Никто из нас не имел представления о расследовании серийных убийств, не говоря уже об убийствах, совершенных женщиной. Очень необычное дело – за прошедшие сорок лет ничего подобного у нас больше не было. Женщина, разъезжающая на машине и убивающая мужчин ради развлечения. Общество теперь совсем не такое, каким было в 1977-м, но в этом отношении ничего не изменилось.

– А потом убили Пола Верхувера, – сказала я.

Блэк кивнул, похоже, вспомнив о моем присутствии.

– У Верхувера было двое детей, – сказал он. – Он шесть лет прослужил в армии, с почетом вышел в отставку. У его жены было три выкидыша, и он каждый раз был рядом с ней. Первая пуля его не убила – только раздробила челюсть. Он испытывал невыносимые мучения, пока Леди Киллер не всадила ему вторую пулю в висок. Тело она тоже оставила на обочине.

Во рту у меня пересохло. Вот что, по их мнению, сделала Бет. По словам свидетеля, она уехала с места именно этого убийства.

Детектив Блэк подошел к единственному стулу по другую сторону кофейного столика и сел. Снаружи доносились крики птиц в небе над океаном. Лодка мягко покачивалась, и у меня возникло ощущение легкого опьянения. Непонятно, как здесь вообще можно жить – в дом легко забраться, мимо все время ходят незнакомые люди, никакой охранной системы. Видимо, ему это нравится. Копы, даже бывшие, способны жить там, где я не смогла бы ни за что, и при этом нисколько не волноваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.